

ПОСОБНИКИ

Сборник

**Пособники. Исследования
и материалы по
истории отечественного
коллаборационизма**

Издательство «Пятый Рим»

20202

УДК 930
ББК 63.3(2)62

Сборник

Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма / Сборник — Издательство «Пятый Рим», 20202

ISBN 978-5-6043328-3-2

В настоящий сборник вошли статьи и ранее не публиковавшиеся документы из отечественных и зарубежных архивов, посвященные различным аспектам отечественного коллаборационизма на территориях, оккупированных Германией и ее союзниками. Авторский коллектив предпринял попытку с разных сторон рассмотреть и проанализировать отдельные проявления предательства и пособничества врагу в годы Второй мировой войны. Издание ориентировано не только на профессиональных историков, но и на всех читателей, интересующихся данной проблематикой. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 930
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-6043328-3-2

© Сборник, 20202
© Издательство «Пятый Рим», 20202

Содержание

Изменники, пособники, коллаборационисты...	6
I	11
Федор Сеницын	11
Историко-правовой анализ терминологии	11
Объект	12
Объективная сторона	13
Субъективная сторона	16
Субъект	22
Определение термина «коллаборационизм»	24
Дмитрий Жуков, Иван Ковтун	26
Генезис идеологии и партийное строительство в вооруженных формированиях и гражданских структурах Б. Каминского	26
«Курьезная смесь принципов и пожеланий»	27
«Гауляйтер локтя»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Д.А. Жуков, И.И. Ковтун
Пособники. Исследования
и материалы по истории

отечественного коллаборационизма

© Жуков Д.А, Ковтун И.И., Сеницын Ф.Л., Ковалев Б.Н., Дробязко С.И., Куберский Х.,
Самцевич А.А., Белков А.Н., Грибков И.В., Митрофанов С.А., 2020

© Издательство «Пятый Рим»™, 2020

© ООО «Бестселлер», 2020

Изменники, пособники, коллаборационисты...

В современном международном праве термин коллаборационизм означает сотрудничество с гражданскими и военными структурами противника в ущерб своему государству. Как известно, впервые это понятие употребил (вовсе не в отрицательном смысле) маршал Анри Петэн, глава так называемого режима Виши (1940–1945 гг.), ультра-консервативного государства, созданного на юге Франции и фактически союзного Третьему рейху. После поражения стран Оси во Второй мировой войне термин приобрел негативные коннотации и стал широко использоваться в западной историографии для обозначения различных сил, структур и отдельных лиц, сотрудничавших с нацистами. В 1990-е гг. термин стал широко использоваться и в отечественной исторической литературе, а также в политической публицистике.

Одной из ошибок многих авторов является перенесение обозначения коллаборационизм на схожие явления предыдущих эпох, что некорректно и можно назвать типичным анахронизмом. Другая встречающаяся ошибка – подмена слова коллаборационизм нейтральным понятием коллаборация (означающим процесс какой-либо совместной деятельности людей и организаций).

В практике советского государства коллаборационистов именовали изменниками Родины, предателями и пособниками врага. Среди этих экспрессивно окрашенных выражений, как нам представляется, эвфемизм пособничество является наиболее точной калькой термина коллаборационизм. Поэтому редакцией и было принято решение выбрать для настоящего сборника название «Пособники».

Надо отметить, что внимание к проблемам коллаборационизма появилось в нашей стране чуть более четверти века назад, когда ученые получили доступ к закрытым ранее архивам и коллекциями, смогли иначе взглянуть на целый комплекс вопросов, не получивших в рамках советской историографии объективного и должного освещения. За последние два десятилетия российские историки сделали немало шагов в этом направлении. В самых разных по своему формату публикациях были отражены как характерные черты и формы коллаборационизма, так и конкретные его проявления на оккупированных территориях СССР и Европы¹.

К настоящему времени определенная часть вопросов, относившихся прежде к числу малоизученных или не до конца раскрытых, успешно снята. По целому ряду проблем написаны добротные научные монографии и статьи, включая полемические публикации, выпущены материалы многочисленных международных и региональных исторических конференций, семинаров, симпозиумов и «круглых столов», а также справочные издания и сборники статей². Тем не менее, пробелы еще остаются. Многие из них касаются интерпретации тех или

---

¹ Вот лишь некоторые из них: Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. 863 с.; Окорочков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. 174 с.; Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944). Великий Новгород, 2001. 482 с.; Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. 544 с.; Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. 896 с.; Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб., 2003. 352 с.; Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004. 608 с.; Чуев С.Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. М., 2004. 576 с.; Щеров И.П. Коллаборационизм в Советском Союзе 1941–1944: типы и проявления в период оккупации. Смоленск, 2005. 432 с.; Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945. М., 2008. 448 с.; Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. 383 с.; Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русские эсэсовцы. М., 2010. 464 с.; Сеницын Ф.Л. Национальный вопрос на оккупированной территории СССР, 1941–1944. Пермь, 2013. 548 с.; Близнюк М.И. «Войной на век проведена черта...». Вторая мировая война и русские артисты: под оккупацией, в Рейхе, в лагерях Ди-Пи. М., 2017. 1120 с.; Елифанов А.Е. Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. 1941–1956 гг. М., 2017. 703 с.

² См., напр.: Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы меж-

иных событий, установления подлинных биографий граждан, вставших под знамена противника, разработки новых проблем, имеющих непосредственное отношение в обсуждаемой теме.

К разряду вполне изученных можно отнести деятельность генерал-лейтенанта А.А. Власова, попавшего в немецкий плен в июле 1942 г. Среди большинства специалистов, которые занимаются личностью самого известного русского коллаборациониста, утвердилась точка зрения, что основная часть карьеры Власова на стороне Германии была связана с пропагандистскими мероприятиями органов вермахта и СС. Появление же Русской освободительной армии (РОА), или, точнее, Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР), в качестве реальной военной силы, произошло осенью 1944 г. При этом о самостоятельности власовских частей и соединений можно говорить лишь условно – независимые от немцев действия отдельные командиры ВС КОНР (при этом сам Власов к их числу не относился!) начали предпринимать только в последние недели или даже дни войны.

Вместе с тем, было бы грубой ошибкой сводить весь русский коллаборационизм только к фигуре Власова и его сторонников (что, к сожалению, можно встретить в немалом количестве публикаций³, в некоторых сборниках документов, подготовленных не без оглядки на принципы подбора и подачи материалов, утвердившихся еще в советский период⁴). Отчасти в тени – что совершенно необоснованно – находятся персоны, вступившие на путь борьбы против советского государства еще в тот момент, когда Власов воевал в Красной армии. Фамилии некоторых из них на данный момент уже хорошо знакомы заинтересованным читателям (Б.В. Каминский, К.П. Воскобойник, В.В. Гиль-Родионов, Б.А. Хольмстон-Смысловский и др.).

Настоящий сборник статей и документов посвящен различным аспектам русского коллаборационизма. Представленная в публикациях информация, надеемся, вызовет интерес среди профессиональных историков и людей, интересующихся самыми острыми вопросами Второй мировой войны.

Авторский коллектив сборника предпринял попытку с разных сторон рассмотреть отдельные проявления русского коллаборационизма и сотрудничества с нацистами. Это определило структуру и распределение публикаций сборника на два раздела, которые дают возможность переосмыслить некоторые моменты, посмотреть на них через призму вновь открывшихся документов, отразить новые эпизоды, детали и подробности в контексте исторических событий.

Первый раздел открывает статья кандидата исторических наук Ф.Л. Синицына, посвященная вопросу интерпретации термина коллаборационизм. Исследуя содержание этого понятия, автор отталкивается от нормативно-правовых актов СССР и раскрывает объективные и субъективные нюансы этого неоднозначного явления. В конце публикации исследователь предлагает свое определение коллаборационизма, которое, на наш взгляд, представляется в целом правомерным.

Далее представлены исследования, так или иначе затрагивающие различные аспекты деятельности военных и политических структур, подчиненных обер-бургомистру, в последующем – ваффен-бригадефюреру и генерал-майору войск СС, Б.В. Каминскому. Следует сказать, что

дународной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 г.). М., 2010. 504 с.; Коллаборационизм в Советском Союзе, 1941–1945: Справочник по фондам РГВА. М., 2014. 166 с.; История отечественной коллаборации: Материалы и исследования / Ред. – сост. А. Мартынов. М., 2017. 396 с.

³ См., напр.: *Смыслов О.С.* «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М., 2004. 512 с.; Филатов В.И. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2004. 448 с.; Александров К.М. Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006. 576 с.; Коняев Н.М. Генерал Власов. Анатомия предательства. М., 2008. 500 с.

⁴ См., напр.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. III. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 г. М., 2003. 700 с.; Т. IV. Кн. 2. Великий Перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 г. М., 2008. 809 с.; Т. V. Кн. 1. Вперед на Запад. 1 января – 30 июня 1944 г. М., 2007. 728 с.; Генерал Власов: история предательства: В 2 т., в 3 кн. Т. 1.: Нацистский проект «Aktion Wlassow» / Под. ред. А.Н. Артизова. М., 2015. 1160 с.; Т. 2. Кн. 1: Из следственного дела А.А. Власова / Под. ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова. М., 2015. 854 с.; Т. 2: Кн. 2: Из следственного дела А.А. Власова / Под. ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова. М., 2015. 711 с.

последователи Каминского (и его предшественника К.П. Воскобойника) были гораздо успешнее в своих предприятиях, чем так называемые власовцы. К тому же каминцы располагали вооруженными формированиями (бригада Русской освободительной народной армии, позднее – 29-я дивизия войск СС) и территорией (Локотский и Лепельский административные округа), в пределах которой им было разрешено проявлять свою активность. В статье «Викинги всея Руси» впервые подробно и с привлечением ранее неизвестных архивных источников рассматриваются вопросы создания и строительства «русской нацистской партии». Немало внимания уделено влиянию программы НТСНП – НТС (Национально-трудовой союз нового поколения – Народно-трудовой союз) на идеологию партии Каминского. Указанная тема еще не получила обстоятельного раскрытия в научной литературе и окружена мифами, мешающими увидеть подлинную суть мировоззренческих опытов Каминского и его соратников.

Статья доктора исторических наук, профессора Б.Н. Ковалёва «“Царственная вдовица” русского коллаборационизма» опирается на материалы уголовного дела А.В. Колокольцевой-Воскобойник – супруги первого руководителя Локотского самоуправления. Автор сообщает множество новых данных о биографии самого Воскобойника. Драматическая судьба героини статьи также не остается без должного анализа.

Биографический характер носит и статья кандидата исторических наук С.И. Дробязко, касающаяся судьбы начальника разведки РОНА «майора Бориса Костенко» (Б.Я. Краснощекова). Исследователь вводит в научный оборот уникальные по своему значению документы, позволяющие взглянуть на жизнь одного из приближенных Каминского глазами советских спецслужб и следственных органов. Исследователь представил захватывающую реконструкцию событий и коснулся вопросов, которые долго оставались без ответов.

Блок публикаций о Каминском и РОНА завершает статья польского исследователя Х. Куберского о боевом применении коллаборационистов в период подавления Варшавского восстания (август – октябрь 1944 г.). Первостепенное внимание историк уделяет русским и украинским формированиям, так как, по его мнению, с ними связано наибольшее количество мифов. Опираясь на источники из польских и немецких архивов, Куберский представил подробную картину участия «восточных добровольцев» и русских эсэсовцев в боях в Варшаве, определил характер преступной деятельности сводного полка РОНА. Исследование Куберского было проведено в рамках проекта, организованного Национальным центром науки Республики Польша, по изучению особого формирования СС Дирлевангера.

В материале исследователя А.А. Самцевича поднимается вопрос службы русских и украинских эмигрантов в составе вооруженных формирований Независимого государства Хорватии (НГХ) – одного из сателлитов Третьего рейха. Автор показывает, какими путями выходцы из Российской империи попадали в ряды хорватских националистов, принимавших активное участие в борьбе против югославских партизан.

В деле изучения коллаборационизма большое значение имеет знакомство с пропагандой, которую вели на оккупированных территориях СССР бывшие советские военнослужащие, оказавшиеся на стороне противника и прошедшие подготовку на специальных курсах. Иногда – чаще по незнанию – их считают исключительно подручными Геббельса, что не вполне корректно, так как в идеологической обработке населения захваченных советских областей в первую очередь участвовали сотрудники подразделений пропаганды вермахта, которой руководил полковник (позже – генерал-майор) Хассо фон Ведель, а также отдела пропаганды Министерства по делам оккупированных восточных территорий (министр – Альфред Розенберг). Из-под пера коллаборационистских журналистов вышло значительное количество заметок, очерков, корреспонденций, агитационных статей, разжигавших ненависть к большевикам и евреям, призывавших обычных граждан помогать установлению «нового порядка» и вести беспощадную борьбу с партизанами. Эти, а также другие темы рассматриваются в публикации военного историка А.Н. Белкова «Ложь вместо лжи. К истории печатной периодики “Русской

освободительной армии”». В статье освещаются основные направления деятельности власовских специалистов по «промыванию мозгов», выступавших от лица РОА. Отдельное внимание автор уделяет анализу содержательных компонентов периодики коллаборационистов.

В публикации кандидата исторических наук И.В. Грибкова затронут вопрос о распространении на оккупированной территории СССР русских коллаборационистских журналов. Исследователь также представил – с опорой на широкий массив архивных источников – перечень журнальных изданий, позволяющий увидеть масштабы работы подконтрольных немцам печатных органов.

Изучение коллаборационистской тематики часто затрагивает и такое популярное сегодня направление исследований, как история частной жизни. Фактически речь идет о конкретных жизненных ситуациях, через освещение которых становятся более понятны мотивы поведения конкретных людей. Подобные мотивы – от мести до добровольной помощи немецким войскам – рассматриваются в статье исследователя С.А. Митрофанова «Цена измены». Автор получил возможность ознакомиться с рассекреченными материалами надзорных производств прокуратуры Тульской области. Помимо примеров сотрудничества с врагом, Митрофанов касается и вопроса воздаяния за пособничество, что весьма важно, поскольку уже в первый год войны стала складываться система судебного преследования коллаборационистов.

Во второй раздел сборника вошли документы и материалы из российских и зарубежных архивов. Основная задача публикации этих источников – расширение документальной базы по вопросам сотрудничества с нацистами различных кругов российской эмиграции как до, так и во время Второй мировой войны. В этой связи значительный интерес представляет переписка генерал-майора В.В. Бискупского и А. Розенберга, подготовленная к публикации историком И.Р. Петровым. Корпус писем, обнаруженный исследователем в архивах Мюнхенского института современной истории, дает весьма ценную информацию об идеологических концепциях и воззрениях, существовавших в среде русских изгнанников, симпатизировавших нацизму. Отдельно стоит подчеркнуть и то, что эта переписка, несмотря на определенные идейные расхождения с внешнеполитическими устремлениями лидеров Третьего рейха, все же не мешала Бискупскому быть приверженцем национал-социализма и сохранить с Розенбергом хорошие отношения.

Тема сотрудничества белоэмигрантов с немцами в годы войны отразилась в мемуарах одного из руководителей Русского общевойскового союза (РОВС), полковника Д.И. Ходнева. Историк О.И. Бэйда, который обнаружил одну из версий этого источника в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, охарактеризовал воспоминания Ходнева, как «патриотическую надежду» русских эмигрантов, которая в конечном итоге оказалась иллюзией, так как ни в каком реальном освобождении русского народа они участия не принимали. Автор мемуаров, работавший переводчиком в 36-й мотопехотной дивизии вермахта летом 1941 г. (группа армий «Север»), успешно справился с поставленными перед ним задачами. Разумеется, о многом Ходнев не стал писать в воспоминаниях, так как уже в 1941 г. ему стало ясно, какие цели преследует Третий рейх, ведя войну на Востоке.

В годы Второй мировой войны определенной части русских эмигрантов удалось не только послужить на должностях переводчиков, пропагандистов, администраторов, хозяйственников, но и проявить себя в рамках коллаборационистских проектов, организованных под эгидой немецких спецслужб – как абвера, так и СД. Некоторые из них добились даже назначения на руководящие посты внутри германских разведывательных структур. Одним из самых известных примеров такого рода является работа Особого штаба «Россия» (Зондерштаба «Р»), который возглавлял эмигрант, кадровый немецкий разведчик Б.А. Смысловский, также известный под своими оперативными псевдонимами «фон Регенау» и «Хольмстон». Биография Смысловского не раз становилась объектом исследований отечественных и зарубежных специалистов и постепенно выходит из небытия.

Иначе обстоит дело с ближайшими соратниками Хольмстона, также работавшими на абвер и СД. По-прежнему остаются малоизвестными детали акций, к которым они имели отношение, включая и знаменитый вывод разведывательных кадров в Лихтенштейн в начале мая 1945 г. Несмотря на то, что в научной литературе указанный эпизод рассматривался неоднократно, многие нюансы пребывания коллаборационистов в княжестве не нашли пока всестороннего освещения. Этот пробел в известной мере восполняет публикация «Иногда жутко становится вспоминать все прошедшее», основанная на мемуарах близких к Смысловскому офицеров – обер-лейтенанта Г.В. Клименко и подполковника К.Е. Истомина.

Завершает документальный раздел публикация кандидата философских наук А.В. Мартынова. Материал включает в себя вступительную статью, комментарии и письмо (1961 г.) бывшего немецкого разведчика и куратора генерала А.А. Власова по линии отдела «Иностранные армии – Восток» капитана В.К. Штрик-Штрикфельда, которое было адресовано бывшему поручику ВС КОНР и члену НТС М.В. Томашевскому – переводчику апологетической книги немецкого публициста, писателя и историка криминалистики Юргена Торвальда (Хайнца Бонгарца) о власовском движении.

Материалы документального раздела публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей документов. Неисправности текстов, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, опечатки и т. п.), как правило, исправлялись без оговорок. Пропущенные в текстах документов и восстановленные слова и части слов заключались в квадратные скобки. В случаях, когда в текстах были пропуски, эти места отмечались отточием, заключенным в угловые скобки, и оговаривались в текстуальных примечаниях. В текстах документов сохранены подчеркивания, если они носят смысловую нагрузку.

Часть представленных статей и материалов намечают новые пути для дальнейших исследований, необходимых для того, чтобы углубить наше понимание различных проблем и аспектов русского коллаборационизма. Надеемся, что известное методическое и стилистическое разнообразие публикаций, подготовленных участниками данного проекта, – позиция которых, заметим, не всегда совпадает с позицией редакторов-составителей сборника, – будет способствовать развитию исторических знаний по этому вопросу.

Д.А. Жуков, И.И. Ковтун

I

Исследования

Федор Сеницын

Коллаборационизм

Историко-правовой анализ терминологии

Понятие «коллаборационизм»⁵ в современной науке имеет, фактически, общепризнанное значение: сотрудничество с врагом страны в военное время⁶. В российской историографии этот термин широко используется, однако его толкование остается дискуссионным. Б.Н. Ковалев отмечает, что термин «коллаборационист» нужно применять «для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом»⁷. М.И. Семиряга использовал такое определение коллаборационизма: «измена родине», «содействие в военное время агрессору со стороны граждан его жертвы в ущерб своей родине и народу». Применительно к условиям Второй мировой войны, М.И. Семиряга понимал коллаборационизм как «разновидность фашизма и практика сотрудничества национальных предателей с гитлеровскими властями в ущерб своему народу и родине»⁸. И.А. Гилязов, напротив, считает, что следует разделять понятия «коллаборационист» и «предатель»: «Любой факт предательства в годы войны можно рассматривать как пример коллаборационизма, но не любой случай коллаборационизма есть проявление предательства». В целом, И.А. Гилязов делает вывод, что «с точки зрения исторической науки абсолютно точно и однозначно оценить явление коллаборационизма практически невозможно»⁹.

На наш взгляд, это вполне возможно, если провести детальную проработку термина «коллаборационизм», основанную и на научно-историческом, и на юридическом подходе к этой проблеме. Тем более, что понятие «коллаборационист» с момента его появления стало не только клеймом или стигмой: признание человека коллаборационистом, с точки зрения государства, может повлечь для первого весьма негативные правовые последствия (вплоть до применения смертной казни). Поэтому здесь необходим очень четкий и аккуратный терминологический подход.

Применительно к коллаборационизму граждан СССР в период Великой Отечественной войны, когда это явление было, пожалуй, наиболее значимым в нашей истории, нужно руководствоваться положениями советского законодательства, действовавшего в тот момент. Проблемой здесь является то, что термин «коллаборационизм» в отечественном законодательстве отсутствовал тогда (и отсутствует сейчас), что также является одним из факторов разногласий в толковании этого термина. Однако решить эту проблему можно, если проанализировать пра-

---

⁵ От фр. *collaboration* – сотрудничество (происходит от аналогичного латинского слова).

⁶ См.: Hoffmann S. Collaborationism in France during World War II // The Journal of Modern History. Vol. 40. № 3 (September 1968). P. 379; <http://www.dictionary.com/browse/collaborationist?qsrc=2446> (дата обращения: 8.08.2018); http://www.enzyklo.de/Begrif/f_kollaboration (дата обращения: 8.08.2018); <https://www.universalis.fr/dictionnaire/collaborationnisme> (дата обращения: 8.08.2018).

⁷ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 9.

⁸ Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 21, 815.

⁹ Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». М., 2009. С. 15–16.

новые нормы советского законодательства периода Великой Отечественной войны, которые коррелируют с общепринятым пониманием термина «коллаборационизм».

Основа государственного подхода к проблеме коллаборационизма в Советском Союзе была отражена в нескольких нормативно-правовых актах. 25 февраля 1927 г. ЦИК СССР утвердил «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)». Статья 3 Положения устанавливала уголовную ответственность за «сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады».

8 июня 1934 г. это Положение было дополнено двумя статьями, которые получили общее название «Об измене родине»:

Ст. 1.1. «Измена родине, т. е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то... переход на сторону врага... карается высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества».

Ст. 1.2. «Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества».

Вскоре, 20 июля 1934 г., эти статьи были введены в Уголовный кодекс РСФСР¹⁰ под номерами 58^{1а} и 58^{1б}. Таким образом, квалификация коллаборационизма как преступного деяния стала составной частью пресловутой «58-й статьи», которая долгое время служила в СССР юридическим базисом для осуществления массовых репрессий. Тем не менее, *dura lex, sed lex* («закон суров, но это закон») – определение коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны базируется именно на положениях статей 58^{1а} и 58^{1б} УК РСФСР¹¹.

Термин «коллаборационизм» мы сформулируем путем анализа состава преступления, описанного в указанных статьях Уголовного кодекса. Конечно, сделать это непросто, ввиду недостаточной четкости терминологии, которая использовалась в советском уголовном законодательстве тех времен (как, например, с точки зрения современного права можно однозначно объяснить понятие «переход на сторону врага»?)¹².

Как известно, состав преступления как правовая категория включает в себя четыре компонента – «объект», «объективную сторону», «субъективную сторону» и «субъект». Только при наличии всех этих компонентов деяние, совершенное человеком, может быть по приговору суда признано преступлением.

Объект

Объект преступного посягательства (общественные отношения, которые нарушены преступлением) для деяния, которое мы определяем как коллаборационизм, – это, в первую очередь, суверенитет, безопасность и целостность государства, в которых заинтересована подавляющая часть его граждан. Это неотъемлемое право государства, подлежащее защите, в том числе в рамках международных отношений. Суверенитет СССР распространялся на всю его территорию, поэтому право Советского государства на защиту своей безопасности и целост-

---

¹⁰ Принят в 1922 г., редакция 1926 г.

¹¹ В Уголовных кодексах остальных союзных республик присутствовали аналогичные статьи. Далее под нормами УК РСФСР мы будем понимать и соответствующие нормы уголовного законодательства других союзных республик

¹² В законодательстве РФ такая форма государственной измены как «переход на сторону врага» не предусмотрена. См.: Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 638.

ности действовало в отношении всей территории страны, включая регионы, оккупированные Третим рейхом и его сателлитами в период Великой Отечественной войны.

Мнение ряда историков о наличии среди граждан СССР сторонников «антисталинских сил»¹³, которые, фактически, не признавали легитимность Советского государства, не может влиять на правовую оценку коллаборационизма. СССР был субъектом международного права, и поэтому его право на защиту своей безопасности и целостности действовало безоговорочно, в независимости от желания и отношения к советской власти каких-либо людей.

Объективная сторона

Объективная сторона – это характеристика собственно преступного деяния. Для ее определения необходимо ответить на ряд вопросов:

Есть ли в наличии факт преступления и, если «да», то заключался он в действии или бездействии? (Например, бездействие в виде неоказания помощи пострадавшему человеку в некоторых случаях закон признает преступлением).

Какими были место, способ, время, обстановка, орудия совершения преступления?

И, наконец, к каким вредным для общественных отношений последствиям привело это деяние?

Во-первых, совершение преступления, которое мы обозначаем как коллаборационизм, может иметь место только в виде действия (именно его предполагает формулировка «переход на сторону врага», данная в ст. 58^{1а} УК РСФСР). Например, житель оккупированной территории СССР, который и не помогал, но в то же время не препятствовал в чем-либо оккупантам, считаться коллаборационистом не может. Если врагу не оказывал сопротивления военнослужащий, при наличии приказа о вступлении в бой и возможности исполнения этого приказа, – это не коллаборационизм, а другое правонарушение (неисполнение приказа, дезертирство и пр.).

Во-вторых, важным является вопрос о времени и обстановке совершения преступления. Коллаборационизм может иметь место тогда, когда у страны в наличии есть «враг». К сожалению, ни сама диспозиция статей 58^{1а} и 58^{1б} УК РСФСР, ни комментарий к этим статьям не дают конкретного определения, что следует понимать под упомянутым в ст. 58^{1а} термином «враг». Однако из комментария к УК ясно, что совершение преступления, предусмотренного этими статьями, относится к сфере «защиты отечества»¹⁴. Современный комментарий к этой норме Уголовного кодекса гласит, что «переход на сторону врага» мог иметь место «в период войны или в боевой обстановке»¹⁵. Таким образом, наличие «врага» у СССР относится и к периодам, когда официально объявлено состояние войны с неким государством (или несколькими государствами), и к периодам вооруженных конфликтов без объявления войны. В случае не вооруженного, а политического, экономического или иного противостояния на международной арене (например, экономический бойкот), к гражданам СССР, оказывавшим помощь противной стороне, должна применяться ст. 58³ УК РСФСР («Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно содействие каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады»).

В-третьих, к понятию «враг» может относиться только государство, как субъект международного права. Известно, что для предвоенного, военного и послевоенного периода актуаль-

---

¹³ Подробнее об этом см. ниже в параграфе «Субъективная сторона».

¹⁴ Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР: Комментарий. М., 1941. С. 63.

¹⁵ Научно-практическое пособие по применению УК РФ... С. 638.

ной была проблема сотрудничества граждан СССР с негосударственными структурами антисоветской направленности. К ним относились белоэмигрантские организации, басмачи и другие банд-повстанцы, Организация украинских националистов (ОУН)¹⁶ и пр. Сотрудничество с этими структурами, а также отдельными лицами, самостоятельно действовавшими против СССР, попадало под диспозицию других статей УК РСФСР, в частности, ст. 58² («Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры») или 58¹¹ («Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению... [контрреволюционных] преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения... [таких] преступлений»). Однако нормы только статей 58² и 58¹¹ должны применяться в том случае, если такие организации и лица не сотрудничали с враждебным СССР государством в военный период или если человек, вовлеченный в деятельность этих организаций, не знал о наличии такого сотрудничества. Иначе здесь может быть применима квалификация такого деяния как коллаборационизма (по статьям 58^{1а} и 58^{1б} УК РСФСР). Наверное, одним из самых трудных вопросов в этом аспекте является оценка сотрудничества в период Великой Отечественной войны граждан СССР с ОУН, которая в разное время находилась и в оппозиции к Третьему рейху, и сотрудничала с ним.

В-четвертых, участие в коллаборационизме должно иметь направленность на причинение ущерба, т. е. существенных общественно опасных последствий. Это прямо указано в диспозиции статьи 58^{1а} УК РСФСР – «ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории». Существенность последствий, т. е. масштаб ущерба, должна устанавливаться судом в каждом конкретном случае.

Подчеркнем, что сам факт причинения ущерба стране в результате участия в коллаборационизме не является обязательным – достаточно того, что действия лица были направлены на причинение такого ущерба¹⁷. Если действия не привели к результату, квалификация их должна проводиться по нормам законодательства о покушении на совершение преступления и приготовлении к нему. Если человек «одумался» и добровольно отказался от доведения преступления до конца, он все равно должен нести ответственность за те действия, которые им уже фактически были совершены (ст. 19 УК РСФСР).

Итак, при квалификации деяния в качестве коллаборационизма важнейшим аспектом является выявление направленности этого деяния на причинение ущерба своей стране. Дело в том, что любое полезное для вражеской державы взаимодействие с ней советского гражданина гипотетически можно было признать ущербом для СССР. Работая на заводе, фабрике, шахте, в сельском хозяйстве в период германской оккупации, советские граждане, фактически, трудились и на Третий рейх. Например, из собранного крестьянами урожая пекари делали хлеб, которым вермахт кормил своих солдат, которые затем убивали на фронте советских воинов. Такие логические цепочки иногда порождают разговоры о том, что всех жителей оккупированной территории СССР можно было, в принципе, отправить в ГУЛАг за коллаборационизм (а уж о вывезенных на работу в Германию советских граждан-остарбайтерах и говорить нечего).

Но если осмыслить этот вопрос с правовой точки зрения, то станет ясно, что это не так. Между деянием человека, обвиняемым в коллаборационизме, и ущербом, причиненным его

---

¹⁶ ОУН и другие подобные организации, с точки зрения современного международного права, не могут быть признаны его субъектами, т. к. они не осуществляли контроль ни над какой частью территории СССР. – См. ст. 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). 1977 г.

¹⁷ Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс... С. 63.

стране, должна быть прямая причинно-следственная связь. Если такой связи нет или она косвенная, «через посредника» (работа крестьянина и пекаря – питание солдат вермахта – гибель советского воина), то нет и вины человека в причинении ущерба.

Именно такой подход был принят во время Великой Отечественной войны. Согласно приказу Прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» от 15 мая 1942 г., ответственности по ст. 58^{1а} УК РСФСР подлежали советские граждане, «перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания германской администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличенные в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; лица, участвовавшие в деятельности оккупационных карательных органов»¹⁸. Видно, что среди таких лиц нет ни рабочих, ни шахтеров, ни крестьян, которые занимались своим обычным трудом и не принимали участия в деятельности германских вооруженных сил и структур оккупационной администрации. Таким образом, их работа не рассматривалась как направленная на причинение ущерба СССР. Сбор продовольствия и фуража здесь следует рассматривать как деятельность разного рода гражданских коллаборационистов (бургомистров, старост и др.), а не как работу по производству этого продовольствия и фуража, которая составляет обычный труд крестьянина. Иначе практически все советские крестьяне, побывавшие под оккупацией, подлежали бы наказанию за коллаборационизм. А этого, как известно, не было.

Важным обстоятельством является также то, что ущерб в результате участия в коллаборационизме, согласно советскому законодательству, должен был быть причинен именно СССР. Однако закон установил здесь дополнение, обусловленное духом того времени, – не только СССР, но еще и «всякому другому государству трудящихся», а именно двум другим социалистическим государствам того периода – Монголии и Туве (но только в случае, если такое преступление было совершено на территории СССР)¹⁹.

В-пятых, местом совершения преступления может быть оккупированная территория Советского Союза (в общем случае) или любая другая территория, находящаяся вне контроля СССР. «Переход на сторону врага» мог быть осуществлен, фактически, где угодно, кроме территории, находившейся под советским контролем. Сношения с вражеским государством, совершенные на территории, контролируемой властями СССР, должны квалифицироваться не как коллаборационизм, а по нормам ст. 58³ УК РСФСР.

В-шестых, способом совершения преступления является оказание помощи вражескому государству. Оказание помощи может быть осуществлено в виде взаимодействия (т. е. контактный способ). Так, в период Великой Отечественной войны ущерб мог быть причинен СССР в рамках работы (службы) гражданина в административных органах, вооруженных, полицейских и прочих формированиях Третьего рейха. Однако оказание помощи врагу могло состояться и в одностороннем порядке, например, когда человек самостоятельно вел вооруженную борьбу против советских партизан. Однако в этом случае коллаборационизм имел место, только если у такого человека был умысел²⁰ именно на оказание помощи Третьему рейху, а не просто на причинение ущерба СССР. Иначе в коллаборационисты можно было бы записать все антисоветские силы, действовавшие на оккупированной территории СССР, а это не так.

В-седьмых, средства и орудия совершения преступления, которое можно квалифицировать как коллаборационизм, могут быть разными, что и показывает типология коллаборационизма, достаточно хорошо разработанная в историографии²¹.

---

¹⁸ См.: Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 9–10.

¹⁹ Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс... С. 63.

²⁰ Содержание понятия «умысел» раскрыто в параграфе «Субъективная сторона».

²¹ См.: Семиряга М.И. Коллаборационизм...; Ковалев Б.В. Указ. соч.

Субъективная сторона

Субъективная сторона преступного деяния – это отношение человека, совершившего преступление, к своему деянию. Сюда входит определение вины (у нее есть две формы – умысел и неосторожность), мотивов и целей лица, совершившего деяние.

Во-первых, коллаборационизм характеризуется наличием умысла (осознание виновным сущности совершаемого деяния, предвидение его последствий и наличие воли, направленной к его совершению). Кроме того, здесь следует говорить о сдвоенном (дуальном) умысле, который одновременно должен был быть направлен и на оказание помощи врагу СССР, и на причинение ущерба Советскому Союзу. Наличие только одной из перечисленных направленностей умысла не дает основания рассматривать деяние как коллаборационизм.

Умысел здесь может быть и прямым, и косвенным²². Прямой умысел мы должны предположить у идейных, «политических» коллаборационистов. Косвенный умысел, т. е. сознательное допущение последствий или безразличное отношение к ним, – у лиц, которые были вовлечены в коллаборационизм по другим мотивам. Хотя, конечно, нужно изучать каждый конкретный случай.

Наличие умысла коррелируется с добровольностью вовлечения в коллаборационизм. Этот аспект принимался во внимание советскими властями. **Согласно указанию НКВД СССР о задачах и постановке оперативно-чекистской работы на освобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории СССР от 18 февраля 1942 г.**, советские спецслужбы брали под наблюдение «лиц, служивших в созданных немцами учреждениях и предприятиях, вне зависимости от рода обязанностей», а также всех лиц, добровольно оказывавших услуги немцам, какой бы характер эти услуги не носили», кроме тех людей, которые были оккупантами «насиленно мобилизованы»²³. Таким образом, последние, фактически, выводились из круга лиц, подозреваемых в коллаборационизме.

Во-вторых, мотивы (побуждения, которые провоцируют решимость на правонарушение) и цели (представление человека о желаемом результате, к которому он стремится, нарушая закон) совершения человеком преступного деяния, которое квалифицируется как коллаборационизм, могут быть разными, что отмечено в историографии. При этом добровольность вовлечения в коллаборационизм не исключает вынужденности принятия такого решения: так, С. Хоффман выделял вынужденный и сознательный коллаборационизм²⁴, В.А. Пережогин сделал вывод, что в СССР «гражданский коллаборационизм по большей части носил вынужденный характер»²⁵.

Мы предлагаем более подробный анализ мотивов и целей вовлечения граждан СССР в коллаборационизм в период Великой Отечественной войны:

1. Психологические мотивы – страх перед жестокостью оккупантов, стремление защитить свои семьи²⁶, спастись от тяжелейших условий плена²⁷. Такие мотивы лишены низмен-

---

²² Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс... С. 62.

²³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 3: Крушение «Блицкрига». Кн. 1 (1 января – 30 июня 1942 г.). М., 2003. С. 130–132.

²⁴ Hoffmann S. Op. cit. P. 378 et al.

²⁵ Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941–1945. М., 2004. Кн. 2. С. 293.

²⁶ Калинин П. Указ. соч. С. 32–33; Гилязов И.А. Коллаборационистское движение среди турко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны: дис... д-ра ист. наук. Казань, 2000. С. 4–5; Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кричко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 332; Подпрятков Н.В. Национальные воинские формирования народов Советского Союза в СССР и в фашистской Германии в годы Второй мировой войны. Пермь, 2006. С. 228; Другая война: 1939–1945. М., 1996. С. 322.

²⁷ Кондратьев Н. Оплачено кровью // «Родина» (Москва). 1991. № 6/7. С. 8.

ного содержания. Цель, обусловленная ими, – физическое выживание человека. Попав в экстремальную психологическую ситуацию оккупации или плена, люди часто были вынуждены делать биологически обусловленный выбор – умереть от голода и иных тяжелых условий или пойти на сотрудничество с врагом.

В некоторых случаях решение пойти на сотрудничество с врагом люди принимали в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), которое могло быть как резким, так и «накопившимся» (кумулятивный аффект). Ситуация оккупации, плена, жизни «остарбайтеров» с точки зрения психологии была экстремальной. Для многих попавших в нее людей она выходила за пределы «нормального» человеческого опыта. Определявшими ее экстремальность факторами были эмоциогенные воздействия в связи с опасностью, трудностью, новизной положения человека; дефицит необходимой информации; чрезмерное психическое, физическое, эмоциональное напряжение; воздействие неблагоприятных климатических условий: жары, холода и т. д.; наличие голода, жажды. Эта ситуация была связана с угрозой потери здоровья или жизни и существенно нарушала базовое чувство безопасности человека, веру в то, что жизнь организована в соответствии с определенным порядком и поддается контролю²⁸.

2. Низменные мотивы – тщеславие, алчность²⁹, месть. Такие мотивы обусловлены корыстными и иными эгоистическими побуждениями, когда целью человека выступает улучшение своего социального и экономического положения путем совершения аморальных поступков либо реализация низменных страстей (ненависть, ревность, зависть и пр.). В период войны и оккупации «улучшение» коллаборационистами своего материального положения часто достигалось за счет людей, репрессированных или уничтоженных оккупантами, например, выселенных в гетто и отправленных в «лагеря смерти» евреев. Некоторые коллаборационисты присваивали себе чужие квартиры, мебель и другое имущество. Другие «выслуживались», делали карьеру при оккупационной администрации. Использовали они и возможность осуществлять всевластие над другими людьми, распоряжаясь их судьбами, безнаказанно применяя насилие, мстя своим «недругам», перед которыми они были бессильны при советской власти. Другие применяли данные оккупантами полномочия для вымещения садистских и иных патологических и преступных наклонностей. Даже сами германские оккупанты отмечали «чрезмерные» зверства со стороны коллаборационистов по отношению к мирному населению, причиной чего они считали «личную ненависть» к советской власти и «жажду мести»³⁰.

3. Политические мотивы – неприятие советской власти³¹, негативная реакция на социально-политические условия в СССР, в том числе коллективизацию и репрессии³². Такие мотивы были основаны на идейности, убеждениях, политических взглядах. Целью «политических» коллаборационистов в период Великой Отечественной войны, в основном, было свержение в СССР власти большевистской партии. За рубежом, особенно, в среде русской эмиграции, как известно, сложилась концепция «Освободительного движения народов России», направленного в годы войны как против Германии, так и против СССР (т. н. «третья сила»), а также «антисталинской революции»³³ и «новой гражданской войны» в Советском Союзе³⁴. Ряд современных российских исследователей поддержал эту концепцию³⁵.

²⁸ Определение экстремальной ситуации и ее характеристики взяты из: Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных. М., 2007. С. 20.

²⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 226–227; Другая война... С. 322.

³⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 65–66.

³¹ История СССР... С. 226–227; Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // «Вопросы истории» (Москва). 1995. № 4. С. 33.

³² Степаненко С.Г. Коллаборационизм на Кубани в период оккупации (1942–1943 гг.) // Социально-гуманитарный сборник: Межвуз. сб. науч. ст. Краснодар, 2009. С. 47; Наринский М.М. Великая Отечественная война // Союзники в войне 1941–1945 гг. М., 1995. С. 293; Другая война... С. 322.

³³ Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Лондон, 1990. С. 11; Казанцев А. Третья сила: История одной попытки. Франкфурт, 1952. С. 289, 291; Рутыч Н. Между двумя диктатурами // «Родина». 1991. № 6/7. С. 33.

К политическим мотивам примыкают этнополитические – шовинизм, национализм³⁶, участие в «национально-освободительном движении», направленном против СССР³⁷. Цель, обусловленная такими мотивами, – завоевание независимости от Советского Союза для отдельных регионов или полная дезинтеграция СССР.

С правовой точки зрения, мотивы и цели совершения преступления имеют большое значение и для квалификации деяния, и для назначения наказания. Не является исключением и коллаборационизм.

В годы войны и после нее советские власти рассматривали психологические мотивы вовлечения в коллаборационизм и обусловленную этими мотивами цель (физическое выживание) как имевшие наименьшую общественную опасность. Таким образом было проявлено понимание, во-первых, вынужденности взаимодействия с оккупантами значительной части жителей захваченной территории СССР, отсутствия у них низменных мотивов и прямого умысла причинить ущерб своей стране, и, во-вторых, малозначительности ущерба, причиненного таким взаимодействием в большинстве случаев. **Согласно упомянутому выше указанию НКВД СССР от 18 февраля 1942 г.**, основанием для ареста жителей освобожденной территории СССР были данные «о предательской работе с их стороны при немцах», но не сам факт работы «в созданных немцами учреждениях и предприятиях»³⁸.

Такой же подход, в целом, применялся и к военным коллаборационистам из числа советских граждан, среди которых подавляющее большинство составляли бывшие военнопленные. В германском плену оказалось 5,74 млн военнослужащих Красной армии³⁹, из которых 3,9 млн чел. погибли⁴⁰, что составляло 68 % попавших в плен (для сравнения: во время Первой мировой войны погибло 2,9 % военнопленных солдат и офицеров Русской армии)⁴¹. Значительная часть пленных погибла в первую же военную зиму (1941–1942 гг.). Невыносимые условия содержания в лагерях вынудили часть выживших пленных проявить слабование и поддаться на «добровольно-принудительную» вербовку в коллаборационистские формирования.

Необходимо также учитывать, что часть военнопленных, дав согласие на вступление в коллаборационистские формирования, изначально намеревалась из них дезертировать и при первой возможности перейти на сторону советских партизан, европейского движения Сопротивления или за линию фронта⁴², что и происходило даже в тяжелые для СССР периоды, когда перевес на фронте был не на советской стороне. Так, в 1942 г. произошел переход десятков и сотен полицейских к партизанам в Орловской, Смоленской, Витебской областях. В сентябре того же года в Харькове были арестованы 37 украинских полицейских, которые подстрекали других полицейских к дезертирству. В Запорожье в деятельности советского подполья прини-

³⁴ *Пфедффер К.Г.* Немцы и другие народы во второй мировой войне // *Итоги второй мировой войны*. М., 1957. С. 513.

³⁵ *Александров К.М.* Мифы о генерале Власове. М., 2010. С. 208; Вторая мировая: Иной взгляд: Историческая публикация журнала «Посев». М., 2008. С. 380; Коммунистический режим и народное сопротивление: 1917–1991. М., 2002. С. 53, 56; *Романько О.В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь, 2009. С. 206; *Щеров И.П.* Коллаборационизм в Советском Союзе, 1941–1944: типы и проявления в период оккупации. Смоленск, 2005. С. 409.

³⁶ *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье: Белоруссия 1941–1945. М., 2008. С. 4; *Chirovsky N.* An Introduction to Ukrainian History. Vol. III: Nineteenth and Twentieth Century Ukraine. New York, 1986. P. 262–263.

³⁷ *Мамулия Г.Г.* Грузинский легион Вермахта. М., 2011. С. 266.

³⁸ Органы государственной безопасности... С. 130–132.

³⁹ *Первышин В.Г.* Людские потери в Великой Отечественной войне // «Вопросы истории». 2000. № 7. С. 116.

⁴⁰ *Соколов А.К.* Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // *Людские потери СССР в период второй мировой войны*. Сб. ст. СПб, 1995. С. 22.

⁴¹ *Reitlinger G.* The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. New York, 1960. P. 98.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 168. Л. 23; ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 104. Л. 611–612; Дембицкий Н.П. Судьба пленных // *Война и общество, 1941–1945*. М., 2004. Кн. 2. С. 250; Пережогин В.А. Указ. соч. С. 301; Алиева Р.М. Некоторые неизвестные страницы истории европейского движения сопротивления // *Azərbaycan 1941–1945-ci illər müharibəsində: (Məqalələr toplusu)*. Bakı, 2008. S. 154–156.

мали активное участие русские коллаборационисты. В октябре из 3-го батальона «Туркестанского легиона» дезертировала значительная часть солдат и командиров, после чего батальон был расформирован. Из «Грузинского легиона» по пути на фронт сбежали с оружием 170 чел., а по прибытию на фронт, 10 октября, части «легионеров» удалось перейти на сторону Красной армии. Из «Армянского легиона» по дороге на фронт сбежали около 100 чел., а в ноябре на советскую сторону перешли 39 легионеров⁴³.

В 1943 г., после перелома в войне, переход коллаборационистов на сторону советских партизан был отмечен на оккупированной территории Ленинградской и Калининской обл. (украинские полицейские), Витебской обл. (825-й волжско-татарский батальон), Киевской обл. (туркестанский батальон в составе 360 чел.), Латвии (солдаты 283-го русского батальона и группа латышских «легионеров»), в Крыму (152-й крымскотатарский батальон, 60 чел. из I/73-го азербайджанского батальона, а также грузинские «легионеры»). Особенно массовым дезертирство и переход «легионеров» на советскую сторону стали после коренного перелома в войне – только с июня по декабрь 1943 г. перешли около 10 тыс. чел. Число перешедших могло быть и большим, если бы коллаборационисты не были запуганы германской пропагандой, утверждавшей, что на советской стороне «мучают пленных»⁴⁴.

Германские власти осознавали невысокую боеспособность коллаборационистских формирований и, при всем усердии в их создании, изначально относились к ним с недоверием. Политико-моральное состояние коллаборационистов оценивалось как «низкое». Многие формирования были признаны нелояльными, а к их военнослужащим были применены репрессии. В 1943 г. в Могилеве были разоружены несколько украинских отрядов, при этом 1350 чел. были отправлены в лагеря для военнопленных, а 105 командиров посажены в тюрьму. Также были разоружены 653-й, 668-й и 669-й «восточные» батальоны, 198-й армянский полк, 8-й туркестанский батальон. Командир 154-го крымскотатарского батальона был арестован оккупантами «как неблагонадежный». В 147-м крымскотатарском батальоне 76 чел. были расстреляны как «просоветский элемент». Около трети всех крымскотатарских батальонов были разоружены, а остальные выведены в Румынию. Отмечались и такие случаи, как расстрел оккупантами «добровольцев», которые отказались участвовать в карательных акциях против партизан или просто надеть немецкую форму⁴⁵.

Все эти факты говорят о главенствующей роли психологических мотивов в процессе вовлечения советских военнопленных в коллаборационизм. Эта ситуация была осознана советскими властями (что было отражено в советской пропаганде военного периода⁴⁶). Поэтому к основной массе рядовых военных коллаборационистов в СССР было применено достаточно мягкое наказание – в подавляющем большинстве они были отправлены в ссылку на спецпоселение, в основном, сроком на шесть лет⁴⁷.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 12–13, 32–34; Там же. Д. 253. Л. 24; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1045. Л. 51; Там же. Д. 1076. Л. 17–17об; РГВА. Ф. 1370к. Оп. 1. Д. 56. Л. 199; ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59. Л. 362об–363, 369об; Там же. Д. 61. Л. 163;

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 135. Л. 28; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 71–75; Там же. Д. 172. Л. 16; Там же. Д. 173. Л. 27–28; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 448. Л. 39; Там же. Д. 450. Л. 62; Там же. Д. 721. Л. 39; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 12. Л. 88об; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 2. Оп. 10. Д. 516. Л. 14; Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы войны? // «Свободная мысль». 1993. № 14. С. 87; Романько О.В. Мусульманские легионы третьего рейха: Мусульманские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1939–1945). Симферополь, 2000. С. 49, 60.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 32–34, 71–75; Там же. Д. 172. Л. 16; Там же. Д. 173. Л. 27–28; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 40; Там же. Д. 1048. Л. 12; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 12. Л. 88об; Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было, или История власовского предательства // «Военно-исторический журнал» (Москва). 1991. № 4. С. 22; Романько О.В. Мусульманские легионы третьего рейха... С. 60.

⁴⁶ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 143. Л. 48–48об.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 217. Л. 92; Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. Киров, 2003. С. 63.

Известен, как минимум, один резонансный случай. В августе 1943 г. на сторону советских партизан перешло крупное коллаборационистское формирование – 1-я русская национальная бригада СС (известна также под названием «Дружина») под командованием бывшего подполковника Красной армии В.В. Гиля. Решением ЦК КП(б) Белоруссии бригада была переименована в «Первую антифашистскую» и впоследствии сражалась с оккупантами. В.В. Гиль получил звание полковника Красной армии и был награжден орденом Красной звезды. В мае 1944 г. он погиб в бою с карателями⁴⁸. В настоящий момент детали этой истории в целом известны. Если раньше считалось, что наказание за участие в коллаборационизме и карательных акциях подчиненные В.В. Гиля не понесли вовсе, то сегодня эта точка зрения подвергается пересмотру, поскольку еще в период существования 1-й Антифашистской бригады сотрудники органов госбезопасности СССР стали, не привлекая лишнего внимания, изымать вчерашних эсэсовцев из соединения и отправлять их под различными предлогами на «большую землю». Некоторые из них были арестованы сразу после операции «Весенний праздник», когда бригада была полностью разгромлена, а некоторые – после окончания войны. Не ушел бы от наказания и сам В.В. Гиль, в чем сегодня нет никаких сомнений⁴⁹.

Фактически, к квалификации деяний значительной части коллаборационистов в СССР было применено положение ст. 48 УК РСФСР об обстоятельствах, смягчающих вину, – как к преступлениям, совершенным «под влиянием угрозы, принуждения... сильного душевного волнения; в состоянии голода... по невежеству, неосознанности или случайному стечению обстоятельств». 17 сентября 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», согласно которому амнистии подлежали лица, которые «по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами» (что подразумевает психологические мотивы вовлечения в коллаборационизм) и при этом не совершили преступлений в отношении граждан СССР.

Действительно, участие в коллаборационизме не обязательно влечет за собой причастность к совершению военных преступлений. Можно поспорить с мнением М.И. Семиряги о том, что в условиях оккупации коллаборационисты, «в соответствии с международным правом... совершают военные преступления»⁵⁰. Очевидно, что на оккупированной территории СССР далеко не все коллаборационисты (например, гражданские) совершали такие преступления, что и подтверждалось советской практикой назначения наказания за коллаборационизм.

Другие мотивы участия в коллаборационизме были признаны в СССР наиболее общественно опасными. Действительно, низменные мотивы проявлялись в совершении коллаборационистами тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан, включая убийства, причинение вреда здоровью, грабеж, присвоение чужого имущества. Коллаборационисты принимали участие в нацистских карательных операциях, уничтожении гражданского населения, репрессивной деятельности Гестапо и других преступных организаций Третьего рейха.

На основании положений уголовного законодательства СССР, включая подзаконные акты, изданные в период Великой Отечественной войны, в 1943–1949 гг. в СССР состоялись 20 судебных процессов в отношении нацистских военных преступников и коллаборационистов – в Харькове, Краснодаре, Краснодаре, Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Великих Луках, Риге, Сталино, Бобруйске, Севастополе, Чернигове, Полтаве, Витебске, Кишиневе, Новгороде и Гомеле. Так, важным событием был Краснодонский судебный

---

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1048. Л. 66; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 39; *Калинин П.* Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии // «Военно-исторический журнал». 1962. № 10. С. 35–36.

⁴⁹ Подробнее о «Дружине» и обстоятельствах ее перехода на советскую сторону см.: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Первая русская бригада СС «Дружина». М., 2010. 368 с. – Прим. ред.

⁵⁰ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм... С. 815.

процесс над коллаборационистами (август 1943 г.), которые обвинялись, в том числе, в предательстве известной подпольной организации «Молодая гвардия». Трое осужденных были казнены публично в присутствии около 5 тыс. жителей Краснодона. Харьковский процесс (декабрь 1943 г.) – первый в мире суд над нацистскими военными преступниками, среди которых были трое германских военнослужащих и один коллаборационист. Они были приговорены к смертной казни, которая была приведена в исполнение в присутствии 50 тыс. жителей Харькова. Именно этот процесс создал юридический прецедент, закрепленный позже Международным военным трибуналом в Нюрнберге: «Приказ не освобождает от ответственности за геноцид»⁵¹. Следует также отметить, что амнистия 1955 г. не применялась «к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан».

К коллаборационистам, совершившим на оккупированных территориях СССР военные преступления, фактически, применялись не только «законы военного времени», но и положение об обстоятельствах, отягчающих вину: «совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений... с особой жестокостью, насилием или хитростью, или в отношении лиц, подчиненных преступнику... либо в особо беспомощном по возрасту или иным условиям состоянии» (ст. 47 УК РСФСР).

Одним из наиболее спорных моментов для историков является оценка причин и последствий политических мотивов участия в коллаборационизме. Однако, с точки зрения советского законодательства, здесь все однозначно – эти мотивы имели своей целью насильственное изменение в СССР конституционного строя (соответственно, реализация этнополитических мотивов выливалась в покушение на территориальную целостность Советского Союза), а такой вид преступных деяний всегда признается особо опасным для государства.

Известны два резонансных судебных процесса над «политическими» коллаборационистами. Первый был проведен 30–31 июля 1946 г. по обвинению, пожалуй, самого известного коллаборациониста из числа граждан СССР – бывшего генерал-лейтенанта Красной армии А.А. Власова, а также 11 его соратников. Обвинение было предъявлено по статьям 58¹⁶, 58⁸, 58⁹, 58¹⁰, ч. 2, 58¹¹ УК РСФСР и по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Всем подсудимым был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение 1 августа 1946 г. Решением Верховного суда РФ от 1 ноября 2001 г. с осужденных было посмертно снято обвинение в «контрреволюционной пропаганде» (ст. 58¹⁰, ч. 2), однако по остальным пунктам обвинения они реабилитированы не были, в том числе по «коллаборационистской» статье 58¹⁶ УК РСФСР.

15–16 января 1947 г. состоялся судебный процесс в отношении П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, Султан-Гирея Клыч, С.Н. Краснова, Т.Н. Доманова и Г. фон Паннвица. Обвинения были предъявлены по статьям 58^{1а}, 58⁶, ч. 1, 58⁸, 58¹¹ УК РСФСР и по упомянутому выше Указу Президиума Верховного Совета СССР. Среди подсудимых единственным гражданином СССР был Т.Н. Доманов, и поэтому только он получил обвинение по «коллаборационистской» статье 58^{1а} (наряду с ст. 58¹¹ и Указом). Г. фон Паннвиц, урожденный гражданин Германии, не имевший отношения ни к России, ни к СССР, был осужден исключительно за военные преступления (т. е. только по Указу). Обвинения в отношении четырех остальных подсудимых – деятелей Белого движения, эмигрантов из России и не граждан СССР – были основаны на нормах Указа и разных сочетаний статей 58⁶, ч. 1, 58⁸, 58¹¹ УК РСФСР. Всем подсудимым был вынесен смертный приговор, и 16 января 1947 г. они были казнены. Из всех осужденных был в 1996 г. реабилитирован только Г. фон Паннвиц, однако в 2001 г. это решение было отменено.

⁵¹ Сагалов З.В. Прелюдия к Нюрнбергу: Повесть, основанная на документах. Харьков, 1990. С. 83.

Субъект

Наконец, субъект преступного деяния – это всегда, по определению, человек (физическое лицо). Для деяния, которое квалифицируется как коллаборационизм, советское законодательство определило специальный субъект – лицо, обладающее гражданством СССР⁵². Это один из самых важных моментов в определении термина «коллаборационист», поскольку иногда в публицистике к «отечественным» коллаборационистам причисляют людей в независимости от наличия у них гражданства СССР.

Таким образом, при квалификации преступного деяния необходимо осуществить идентификацию гражданства (подданства⁵³) *человека*. В Советском Союзе наличие гражданства подтверждалось материалами учета в соответствующих государственных органах (паспортные столы и пр.) и документом, который находился на руках у человека (паспорт гражданина СССР). В этом вопросе могут возникнуть две основные трудности. Во-первых, утрата учетных материалов паспортных столов в условиях войны (можно представить, сколько документов не было вывезено или было уничтожено, особенно летом и осенью 1941 г. и летом 1942 г.). Во-вторых, отсутствие паспортов у сельского населения. Согласно постановлению **СНК СССР от 28 апреля 1933 г.**, жители сельской местности (таковые составляли около 67 % населения Советского Союза) были лишены права иметь паспорта (кроме жителей «населенных пунктов, являющихся районными центрами, а также на всех новостройках, на промышленных предприятиях, на транспорте, в совхозах, в населенных пунктах, где расположены МТС, и в населенных пунктах в пределах 100-километровой западноевропейской пограничной полосы Союза ССР»).

Может возникнуть трудность также в выяснении наличия гражданства у эмигрантов из России и СССР, которые были вовлечены в сотрудничество с Третьим рейхом и его сателлитами. С одной стороны, советское законодательство предусматривало некоторую «принудительность» присвоения гражданства СССР. Ст. 3 **Положения о союзном гражданстве** (утверждено постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г.) гласила, что «каждое лицо, находящееся на территории Союза ССР, признается гражданином Союза ССР, поскольку не будет им доказано, что оно является иностранным гражданином». Таким образом, не совсем правомерно на самого человека возлагалась обязанность доказывания отсутствия у него советского гражданства.

В то же время, в довоенный период в Советском государстве был принят целый ряд нормативно-правовых актов, которые имели своей целью лишение гражданства. Так, согласно декрету ВЦИК от 26 апреля 1918 г., предусматривалось лишение советского гражданства лиц, самовольно покинувших ряды Красной армии до истечения шестимесячного срока после их добровольного вступления в нее. 28 октября 1921 г. был принят декрет СНК РСФСР «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей». В соответствии с ним советского гражданства были лишены, в том числе, лица, пробывшие непрерывно за границей свыше пяти лет и не получившие от советских представительств заграничных паспортов или соответствующих удостоверений; выехавшие после 7 ноября 1917 г. за границу самовольно, без разрешения советской власти; добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти, или участвовавшие в какой бы то ни было форме в контрреволюционных организациях. Консульский устав Союза ССР, утвержденный постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 января 1926 г., предоставил советским консулам право возбуждать вопрос о лишении советского гражданства лиц, отказавшихся по требованию консула вернуться на

---

⁵² Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс... С. 63.

⁵³ В государствах с монархической формой правления.

Родину. И, наконец, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 мая 1933 г., советского гражданства лишались все бывшие российские подданные, выехавшие за границу до 25 октября 1917 г. и принявшие иностранное гражданство или подавшие заявление о принятии их в иностранное гражданство⁵⁴.

Ст. 2 Закона СССР о гражданстве от 19 августа 1938 г. гласила, что «гражданами СССР являются все состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи и не утратившие советского гражданства». Таким образом, эмигрантов – особенно, белоэмигрантов, большинство которых никогда не бывало в СССР и являлось идейными противниками этого государства, – советское законодательство рассматривало как «утративших» гражданство СССР либо вовсе никогда его не имевших.

Подытоживая вопрос о гражданстве, отметим, что с точки зрения советского законодательства не могут быть признаны коллаборационистами лица без гражданства (апатриды), как и люди, имевшие в СССР вид на жительство, статус беженца или перемещенного лица и пр. Неправомерным является признание коллаборационистом человека только по факту принадлежности к одному из коренных народов Советского Союза (русские, украинцы, белорусы, казахи, татары и др.) или лица, имевшего отношение к Российскому государству в прошлом (например, белоэмигранта).

Определенную правовую коллизию может вызвать ситуация, когда у лица имеется гражданство (подданство) двух или более государств. Конечно, в годы Великой Отечественной войны такие коллизии, наверняка, были редкими. Тем не менее, с точки зрения закона решение представляется таким – человек, имеющий, например, одновременно гражданство СССР и Италии и воюющий в Красной армии, может быть признан коллаборационистом с точки зрения Италии, а воюющий в итальянской армии – с точки зрения СССР.

Еще один специальный субъект предусмотрен диспозицией ст. 58¹⁶ УК РСФСР – гражданин СССР, состоящий на военной службе. Закон СССР «О всеобщей военной обязанности» от 1 сентября 1939 г. не только устанавливал обязанность для всех мужчин – граждан СССР – «отбывать военную службу в составе вооруженных сил» (статьи 1 и 3), но и напоминал о суровой каре за «переход на сторону врага». Важно определить момент, с которого человек считается военнотружущим, т. к. в санкции ст. 58¹⁶ УК РСФСР не оговариваются смягчающие обстоятельства (в отличие от ст. 58^{1а}): в мирное время таковым будет считаться момент зачисления на военную службу по призыву (ст. 6 Закона), в военное – по мобилизации (ст. 72). Вопрос о наличии факта принятия военной присяги для доказывания участия в коллаборационизме значения не имеет.

Кроме гражданства СССР, субъект преступного деяния должен был обладать еще двумя характеристиками. Во-первых, его возраст должен быть не меньше 14 лет (согласно **Указу Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних»**). Однако здесь есть нюансы – **постановление СНК и ЦИК СССР от 7 апреля 1935 г. ввело уголовную ответственность для несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, за совершение краж и преступлений против личности, в том числе «телесных повреждений, увечий, убийств или попыток к убийству», а Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. – за «совершение действий (развешивание рельсов, подкладывание на рельсы разных предметов и т. п.), могущих вызвать крушение поездов».** Очевидно, что в период войны такие деяния могли быть напрямую связаны с коллаборационизмом. Например, известно, что Абвер реализовывал программу по подготовке диверсантов из числа детей – граждан СССР в возрасте от 8 до 16 лет. В случае выявления таких детей в возрасте до 12 лет, они никакой уголовной ответственности не подлежали, в

---

⁵⁴ *Понизова Е.В.* Лишение гражданства в советский период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 6. С. 123–125.

возрасте от 12 до 14 лет – несли ответственность за кражи, насильственные преступления и диверсии на железной дороге, **и только с 14 лет – за коллаборационизм.**

Во-вторых, субъект должен быть вменяемым, т. е. «отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими», причем не на момент совершения преступления, а на момент вынесения приговора. Лица, признанные невменяемыми, не подлежали уголовной ответственности, однако к ним могли быть применены «меры социальной защиты медицинского характера», т. е. принудительное психиатрическое лечение (ст. 11 УК РСФСР).

Последний важный вопрос, которого мы уже коснулись в рамках данной статьи и который необходимо подчеркнуть еще раз, – лица, которые не могут быть признаны коллаборационистами, тем не менее, могут подлежать ответственности за совершение других деяний (в первую очередь – военных преступлений) и за принадлежность к организациям, признанным преступными, согласно решениям отечественных и международных судебных инстанций – в первую очередь, Нюрнбергского процесса (признана преступлением принадлежность к СС, СД, Гестапо и руководящему составу НСДАП).

Определение термина «коллаборационизм»

Таким образом, расхождения в толковании термина «коллаборационизм» вызваны недостаточным его раскрытием с точки зрения права. Проведенный в рамках данной статьи анализ показывает, насколько комплексной является юридическая оценка коллаборационизма, особенно в части субъекта, объективной и субъективной сторон этого деяния.

На наш взгляд, термин «коллаборационизм» нужно и можно использовать, т. к. он уже укоренился в зарубежной и отечественной исторической науке, публицистике, массовом сознании, является общепринятым и общепонятным. Термины «предатель», «изменник» представляются неподходящими – прежде всего, потому, что они применяются и в условиях мирного времени. В свою очередь, термин «сотрудничество» не отражает морально-политическую глубину такого сложного явления как умышленное, причиняющее ущерб взаимодействие с врагом страны в военное время.

Предлагаем такое определение термина коллаборационизм: умышленное деяние гражданина (подданного), направленное на причинение ущерба своему государству путем оказания помощи другому государству, которое находится с первым в состоянии войны или вооруженного конфликта.

Для отношений человека с врагом страны, не попадающих под определение «коллаборационизм», предлагаем использовать термин «сотрудничество». Таким образом, как и во французском языке, где *collaborationisme* – это не синоним для слова *collaboration* («сотрудничество»), а специально придуманное другое слово, в русском языке термин «коллаборационизм» так же не должен употребляться в качестве синонима для слова «сотрудничество» («коллаборация»). Тем более, что коллаборационизм – это и не обязательно «сотрудничество», ведь он может проявляться в одностороннем оказании помощи врагу.

Коллаборационист в годы Великой Отечественной войны с точки зрения советского законодательства – это человек, в отношении которого приговором суда доказан факт совершения преступного деяния, предусмотренного статьями 58^{1а} или 58^{1б} УК РСФСР, имеющего следующий состав:

- Объект – суверенитет, безопасность, целостность СССР;
- Объективная сторона – действие, направленное на причинение ущерба Советскому Союзу⁵⁵ в виде оказания помощи государству, которое находится с Советским Союзом в состо-

---

⁵⁵ А также Монголии или Туве, при условии совершения преступного деяния на территории СССР.

янии войны или вооруженного конфликта, совершенное на территории, неподконтрольной властям СССР;

– Субъект – гражданин СССР, вменяемый, в возрасте старше 14 лет; для квалификации деяния по ст. 51¹⁶ УК РСФСР – состоящий на военной службе;

– Субъективная сторона – умысел.

Такое понимание термина «коллаборационист» применимо, в целом, и к другим историческим периодам, при условии корректировки состава деяния «коллаборационизм» согласно особенностям законодательства, действовавшего в то время.

Дмитрий Жуков, Иван Ковтун **«Викинги всея Руси»**

Генезис идеологии и партийное строительство в вооруженных формированиях и гражданских структурах Б. Каминского

В ноябре 1941 г. – в первые же недели немецкой оккупации Брянщины – коллаборационистами поселка Локоть (административного центра Брасовского района Орловской, ныне – Брянской области) была создана Народная социалистическая партия России «Викинг». Это несколько странное дополнительное наименование, по мнению немецкого историка С. Штоппера, «намеренно указывало на историю основания русской державы... чтобы провести параллель с сегодняшним днем, в котором вторжение немцев вело к началу нового русского государства»⁵⁶. При этом в партизанских документах эта организация именовалась почему-то «партией всея Руси» (или «всея России») ⁵⁷. «Народные мстители» утверждали⁵⁸: в январе 1942 г., после штурма Локтя объединенными партизанскими силами, «партия предателей» прекратила свое существование. Это отразилось и в советской научно-публицистической литературе⁵⁹.

Разумеется, подобная декларация не соответствовала действительности. Впрочем «лесным солдатам» действительно удалось нанести локотскому гарнизону известный урон в живой силе, а главное – ликвидировать первого руководителя волости и вождя НСПР Константина Воскобойника. Его преемник – обер-бургомистр и «комбриг» Русской освободительной народной армии (РОНА, позднее – штурмовая бригада СС «РОНА» и 29-я дивизия войск СС) Бронислав Каминский – продолжил проводить мероприятия по развитию партии, попутно экспериментируя с названием своей политической игрушки.

К примеру, в апреле 1942 г. в прессе автономии фигурировало сочетание «Русская народная национал-социалистическая партия»⁶⁰. В марте 1943 г. было принято наименование «Национал-социалистическая партия России», а в декабре того же года она стала «Национал-социалистической трудовой партией России». Наибольших успехов НСПР-НСТПР удалось добиться в Белоруссии, куда летом 1943 г. были эвакуированы подчиненные Каминскому военные и гражданские структуры.

Пока Каминский со своей бригадой увяз в антипартизанских операциях, его партия была инфильтрована соратниками Национально-трудового союза нового поколения (НТС, или «солидаристы») – наиболее массовой и дееспособной эмигрантской организации правого толка, которая использовала любую возможность для того, чтобы реализовать свои планы на оккупированной территории.

Идея НТС сводилась к тезису о «третьей силе». В условиях Второй мировой войны она означала следующее. Вначале, опираясь на немецкие штыки, «русскому освободительному

---

⁵⁶ Stopper S. Das Brjansker Gegietunter der Besatzungsherrschaft der Wehrmacht 1941 bis 1943. Dissertation zur Erlangung der akademischen Grades Doctor philosophie. Berlin, 2012. S. 124–125.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 88. Л. 42; *Сабуров А.Н.* За линией фронта (Партизанские записи). Книга первая: Партизанский край. М., 1953. 320 с.

⁵⁸ За исключением Д.В. Емлютина, который откровенно писал: «Эта операция не была доведена до конца». См.: Шестьсот дней и ночей в тылу врага. М., 1971. С. 39.

⁵⁹ См.: *Милютин В.* Силы неисчислимые // Люди легенд. М., 1968. С. 392–393; *Анищенко Е.Н.* Через толщу лет. Документальные очерки о партизанах и подпольщиках Брянщины. Тула, 1996. С. 20; *Касаткин М.А.* В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР. 1941–1943. М., 1980. С. 32.

⁶⁰ *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 140.

движению» следовало «уничтожить большевизм». На этом этапе все лозунги и практика нацистов полностью поддерживалась солидаристами: многие из них непосредственно участвовали, в том числе, в карательных мероприятиях оккупантов. В неопределенном будущем оружие предполагалось повернуть уже против немцев. После этого должно было наступить время для построения русского национального государства, с некоторыми элементами демократии, но при этом подозрительно напоминающего – исходя из теоретических построений идеологов Союза – типичное европейское авторитарное государство той эпохи (чаще всего в качестве образца для подражания называлась салазаровская Португалия, с той разницей, что программа НТС военного времени содержала антисемитские пункты⁶¹).

Солидаристы не упускали ни малейшей возможности для того, чтобы вступить в любую более-менее перспективную политическую организацию русских коллаборационистов, а также в разведывательные, пропагандистские и военные структуры оккупантов⁶². Чрезвычайно активно участвовали они и во власовском движении⁶³. Когда осенью 1944 г. нацистское руководство окончательно сделало свой выбор на фигуре генерала А.А. Власова – в качестве единственного лидера русского коллаборационизма – НСТПР уже прекратила свое существование. Каминский был убит, а его дивизия – направлена на пополнение власовских вооруженных сил Комитета освобождения народов России.

Последнюю точку в истории НСТПР поставил процесс над восемью каминцами, прошедший 30–31 декабря 1946 г. в Москве. На скамье подсудимых среди прочих оказались и такие высокопоставленные партийные руководители, как С.В. Мосин и М.Г. Васюков.

История «русской нацистской партии» привлекала внимание практически всех советских, эмигрантских, западных и современных российских исследователей, которые писали о «локотском эксперименте». При этом оценки НСПР-НСТПР разительно отличаются – в зависимости от политической конъюнктуры и собственных симпатий и антипатий авторов. Не обошлось и без мифологем, основную роль в создании которых сыграли бывшие каминцы-солидаристы, которым удалось избежать выдачи советским властям и остаться на Западе. Заметной тенденцией последнего времени стали попытки отрицания того, что Каминский был сторонником перенесения идеологии и практики (в том числе антисемитской) германского национал-социализма на русскую почву.

Ниже мы обозначим основные этапы строительства «русской нацистской партии», попытаемся определить, в какой степени взгляды самого Каминского и его соратников соотносились с германским национал-социализмом и оккупационной политикой Третьего рейха, а также попробуем выявить подлинную степень влияния солидаристов и их агентуры на генезис НСПР-НСТПР.

«Курьезная смесь принципов и пожеланий»

Итак, «отцами-основателями» партии «Викинг» стали руководители утвержденной немцами еще 16 октября 1941 г. Локотской волостной управы: К.П. Воскобойник, его заместитель

---

⁶¹ В т. н. «Схеме национально-трудового строя» (программе НТС) в 1944 г., к примеру, провозглашалось: «Влияние народностей, на входящих в состав Российской нации, на государственную или общественную жизнь, должно быть полностью исключено. Евреям предоставляется право или свободно покинуть пределы России, однако, без вывоза капиталов, или же поселиться на территории Российского Союзного Государства, в специально отведенной для них области». Цит. по: *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М., 2001. С. 556. Исследователь делает справедливую ремарку: «Позднее объяснялось, что эти антиеврейские пункты были вставлены под давлением нацистов. Однако... если НТС, как заявляли после войны его идеологи, в Германии был вне закона и действовал подпольно, то как он мог подчиняться давлению властей?». Там же. С. 492.

⁶² Подробнее см., напр.: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Борис Хольмстон-Смысловский и НТС: История сотрудничества и противостояния // История отечественной коллаборации: Материалы и исследования. М., 2017. С. 297–338.

⁶³ Примерно с середины войны НТС начал искать контакты с разведками союзников. По этой причине в 1944 г. немцы ненадолго арестовали целый ряд солидаристов. С 1945 г. НТС стал сотрудничать с британской, а затем с американской разведслужбами.

Б.В. Каминский и С.В. Мосин (в последующем – заместитель Каминского по гражданским делам). Всех их можно назвать довольно типичными представителями провинциальной советской интеллигенции, до войны так или иначе пострадавшими от властей.

Константин Павлович Воскобойник (1895–1942) участвовал в Гражданской войне, причем попеременно на обеих сторонах. Это обстоятельство вынудило его скрываться и жить под чужой фамилией. Однако после окончания Московского института народного хозяйства (в 1915–1916 гг. будущий бургомистр также учился на юридическом факультете Московского университета), он решил явиться в ОГПУ с повинной⁶⁴. Этот шаг был ошибкой: Воскобойник получил три года лагерей и окончательно возненавидел советскую власть. Война застала его на должности преподавателя физики в локотском лесохимическом техникуме.

В партизанских документах Воскобойник характеризовался следующим образом: «Обладая большой энергией и непомерно высоким о себе мнением, Воскобойник с апломбом выступал на собраниях, старался быть на виду при подписке на заем и при проведении других кампаний, принимал деятельное участие в организованной им художественной самодеятельности техникума, в работе различных общественных организаций. Таким образом, он вполне сумел перекраситься под активного советски настроенного интеллигента – из категории “незаменимых” общественников, слабо, впрочем, разбирающегося в истории нашей партии»⁶⁵.

Скорее всего, работа в глухой провинции едва ли удовлетворяла этого амбициозного и явно склонного к авантюризму человека. Оставался и страх перед репрессиями со стороны советской власти. То же самое можно сказать и о Брониславе Владиславовиче Каминском – соседе и друге Воскобойника.

Каминский (1899–1944) сразу после революции служил в милиции и в Красной армии, затем окончил Ленинградский химико-технологический институт, работал на ультрамариновом заводе. Он несколько раз исключался из ВКП(б) за политическую неблагонадежность, а в разгар «антипольской кампании» был арестован НКВД и выслан из северной столицы. Опытный инженер-химик, к началу боевых действий он занимал одну из руководящих должностей на локотском спиртозаводе⁶⁶.

Возможно, Воскобойник с довоенных времен был знаком со Степаном Васильевичем Мосиным (1904–1947), который с 1935 по 1937 гг. был заведующим Брасовским районным отделом народного образования⁶⁷. В разгар «большого террора» Мосин был исключен из рядов ВКП(б) за критику политики коллективизации и за связь с «врагами народа». Правда, в 1940 г. его восстановили в партийных рядах. В дальнейшем он служил простым учителем. Непосредственно перед началом войны Мосин по неизвестным нам причинам нигде не работал и проживал со своей семьей в Орле⁶⁸. В августе 1941 г. бывшего преподавателя призвали в Красную

---

⁶⁴ Биография Воскобойника изложена в исследовании Б.Н. Ковалева, опубликованном в настоящем сборнике.

⁶⁵ Докладная записка начальника Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) А.П. Матвеева // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 70. По понятным причинам, в мемуарах партизан акценты расставлены совершенно иначе. Так, М. Ковалев пишет, что Воскобойник «держал себя строго, аккуратно вел занятия, близкого знакомства ни с кем не имел. Разве что с Брониславом Каминским... Жили и работали, как многие старые специалисты. Активности не проявляли, но дело свое делали вроде бы добросовестно». См.: *Ковалев М.Ф.* Лесной фронт. М., 1983. С. 85. Бывший партизан В. Росляков отмечает, что до войны «никто не знал его [Воскобойника] зоологической ненависти к революции, к Советам». См.: *Росляков В.П.* Из книги «Последняя война» // Феномен Локотской республики. М., 2012. С. 127.

⁶⁶ Подробную биографию Каминского см.: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Бургомистр и палач. Тонька-пулеметчица, Бронислав Каминский и другие. М., 2017. С. 74–97.

⁶⁷ Мосин до войны также был директором неполной средней школы в Суземском районе Орловской области. См.: *Христофоров В.С.* Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет Великой Победы. В 6 т. Т. 4: Другое лицо войны. М., 2010. С. 182, 209.

⁶⁸ Варшавское восстание 1944 г. в документах из архивов спецслужб. Варшава – М., 2007. С. 1180. В некоторых партизанских сообщениях утверждается, что Мосин полтора года просидел в тюрьме (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 70.), что не подтверждается материалами процесса декабря 1946 г.

Армию. В неразберихе отступления он дезертировал, уничтожив партийный и военный билет, а через некоторое время оказался в Локте, где был включен в состав управы.

Приход немцев Воскобойник, Каминский и Мосин восприняли, как неплохой шанс реализовать свои амбиции и отомстить за былые невзгоды и обиды. Идея создать политическую партию принадлежала лично Воскобойнику. Разумеется, ни он, ни его ближайшие соратники не имели перед глазами фактически никакого образца для подобной работы – за исключением, разумеется, коммунистической партии (некоторые партийные институты и отчасти риторика были прямо позаимствованы у большевиков). Иногда, впрочем, в литературе утверждается, что Воскобойник «в 1917 году... встал на сторону социалистов-революционеров»⁶⁹. Однако доподлинно неизвестно, так ли это, и насколько конкретным был его эсеровский партийный опыт.

В итоге, получился причудливый гибрид, материалом для которого послужили клише из пропагандистских листовок вермахта и весьма туманные представления о том, как следует формировать идеологию и строить политическую организацию. Ко всему прочему, Воскобойник и Каминский были отнюдь не гуманитариями, а классическими «технарями». Это объясняет довольно специфический стиль первых партийных документов (в том числе манифеста НСПР «Викинг»), а иногда и неумение грамотно выразить свою мысль. Лишь со временем – с появлением в партии более опытных кадров – эта проблема была отчасти решена.

Однако в первые недели в партию брали тех, кого могли. Судя по всему, многие новые соратники отличались гораздо меньшей «идейностью», чем ее основатели, и пошли в организацию из чисто конъюнктурных соображений. Так, одним из первых в НСПР вступил Р.Т. Иванов, до войны судимый за хулиганство, а при «новом порядке» ставший начальником полиции. Еще одним соратником НСПР «первого призыва» стал М.Г. Васюков (1900–1947) – в последующем главный экономист Локотского округа. До войны он был членом ВКП(б), никаким репрессиям не подвергался и был вполне лояльным советским гражданином, работая начальником планового отдела Брасовского райисполкома. При новой власти его дважды арестовывали, как бывшего большевистского активиста, а затем Воскобойник под угрозой расстрела предложил ему сотрудничать. Тот согласился.

Закладным камнем в дело организации партии можно назвать два документа, которые составил лично Воскобойник. Речь идет о манифесте («Сего числа приступила к работе Народная социалистическая партия России...») и воззвании («Безграничны преступления сталинского режима...»)⁷⁰.

Манифест, в котором излагалась партийная программа, был помечен датой 25 ноября 1941 г. и отпечатан на следующий день в местной типографии⁷¹. Этот документ, который американский историк А. Даллин охарактеризовал как «курьезную смесь принципов и пожеланий»⁷², носил ярко выраженный националистический характер (при этом провозглашался «привет мужественному германскому народу, уничтожившему в России сталинское крепостное право»), нацеливал аудиторию на сознательную и бескомпромиссную борьбу с коммунистическим и колхозным строем, призывал население «с оружием в руках, не щадя жизни» участвовать в «построении и укреплении нового строя». В качестве цели манифест называл создание «правительства, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия, необходимые для процветания мирного труда в России, для поддержания ее чести и достоинства».

Программа партии была нацелена главным образом на решение социальных и экономических вопросов: распределения земли (с правом наследования и обмена, но без права

---

⁶⁹ Даллин А. Бригада Каминского. М., 2011. С. 16; Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы / Ред. – сост. К.М. Александров. СПб., 2011. С. 155.

⁷⁰ Тексты Манифеста, Воззвания и Приказа № 1 см: Под немцами... С. 168–171.

⁷¹ Амчеров. Манифест напечатан // «Голос народа» (Локоть), 1942. № 33, 1 декабря (вторник). С. 3.

⁷² Даллин А. Бригада Каминского... С. 17.

продажи), утверждения частной инициативы в сфере ремесел и промыслов, в строительстве фабрик и заводов, а также создания выгодных условий для производительности труда. За государством предлагалось закрепить монополию над лесами, железными дорогами, недрами земли и «всеми основными фабриками и заводами».

Кроме того манифест содержал в себе и пункты, разъяснявшие политику в отношении «представителей прежней власти» и евреев. Так, пункты 8–11 провозглашали амнистию всем комсомольцам, всем рядовым членам ВКП(б), «не запятнавшим себя издевательствами над народом», всем коммунистам, «с оружием в руках участвовавшим в свержении сталинского режима», а также Героям Советского Союза. При этом пункт 12 гласил: «Беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами». Эта неуклюжая формулировка вызывает вопросы у многих исследователей. Представляется, что появление этого лозунга было непосредственно связано с влиянием антисемитской пропаганды вермахта. Этот пункт (в различных редакциях – но неизменно связывавший большевиков, чекистов и евреев в одно целое) неизменно появлялся фактически во всех последующих манифестах и программах НСПР-НСТПР. Следовательно, он полностью отвечал истинным чаяниям руководителей партии⁷³.

Манифест определял и «партийно-государственную» символику: «Наше национальное знамя – белое полотнище с образом Георгия Победоносца и с георгиевским крестом в верхнем левом углу знамени»⁷⁴. Позднее белые георгиевские кресты будут нанесены на бронетехнику РОНА и 29-й дивизии войск СС...

«Воззвание» было выдержано в менее официальных и более эмоциональных тонах. В этом документе Воскобойник доносил до аудитории то, что накопилось у него на душе за все предвоенные годы. Сталина автор текста именует «гениальным идиотом», «кавказским ослом», «кретином», «кремлевским негодяем», «бешеным кровавым псом». Воскобойник перечислял различные преступления режима, сокрушался о том, что «свобода была втоптана в грязь», заявлял, что все советские сообщения о поведении немецких войск на оккупированной территории являются слухами и «подлой ложью». Германская же армия, утверждал он, «принесла нам... избавление от сталинской каторги». Воззвание заканчивалось следующим призывом: «Сталинский режим обречен, все равно он погибнет, но надо спасти миллионы невинных жизней»⁷⁵.

В дополнение к манифесту и возванию Воскобойник опубликовал и так называемый «Приказ № 1», в котором обращался ко «всем командирам, бойцам и политработникам». Он призывал военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в окружении, немедленно сдаваться, угрожая в случае неподчинения «уничтожать на месте». Приказ был подписан: «Руководитель Народной социалистической партии Инженер Земля (КПВ)»⁷⁶. Этот документ иногда путают с другим приказом Воскобойника, опубликованным в конце декабря 1941 г., и адресованным «партизанам, оперирующим в Брасовском районе и ближайших окрестностях, а также всем лицам, связанным с ними». Здесь «инженер Земля» в ультимативной форме требовал от партизан сдавать оружие и являться для регистрации в поселок Локоть: «Все неявившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться безо всякой пощады»⁷⁷. Сроком окончания ультиматума называлась дата 15 января 1942 г.

---

⁷³ Известный коллаборационистский журналист и старший член НТС В.Д. Самарин (настоящая фамилия – Соколов) после войны крайне вольно трактовал содержание манифеста, грубо дезинформируя читателя: «Тезисы Воскобойника... с фашистскими программно-идеологическими установками имели общее только в одном: отрицании капитализма...». Цит. по: Феномен Локотской республики... С. 256. В действительности тезис об отрицании капитализма появляется в печатной пропаганде НСПР-НСТПР только осенью 1943 г.

⁷⁴ Манифест Народной социалистической партии России // Под немцами... С. 169.

⁷⁵ Воззвание // Под немцами... С. 170–171.

⁷⁶ Приказ № 1 // Под немцами... С. 171. Согласно ряду свидетельств, кличку «Инженер Земля» Воскобойник получил еще в лагере.

⁷⁷ Фотокопию документа см.: Даллин А. Бригада Каминского... С. 22. Данный приказ послужил одним из поводов для

Обстоятельства создания и распространения вышеуказанных документов были подробно изложены С.В. Мосиным в ходе послевоенных допросов. 19 августа 1946 г. бывший партийный функционер показал:

«В ноябре 1941 г., находясь в здании районной управы, жена Воскобойника – Воскобойник Анна Вениаминовна ознакомила присутствовавших с манифестом и воззванием, отпечатанными на машинке и подписанными руководителем партии под псевдонимом “Инженер Земля”. Вечером того же дня я – Мосин, и Каминский Бронислав Владиславович были приглашены Воскобойником К.П. к нему. В беседе Воскобойник сообщил нам, что на оккупированной территории существует народная партия “Викинг” и показал выпущенные якобы этой партией манифест и воззвание, с содержанием которых нас в тот день ознакомила Воскобойник А.В. Впоследствии мы узнали, что манифест и воззвание были составлены и отпечатаны лично Воскобойником...

В манифесте сообщалось о существовании народной партии “Викинг”, ставившей своей задачей свержение Советской власти, уничтожение коммунистической партии и установление в России нового государственного строя. Объявлялась амнистия всем лицам, репрессированным органами Советской власти, роспуск колхозов и восстановление частной собственности. Воззвание было написано в резко антисоветском духе...

Они были напечатаны в виде листовок, на одной стороне манифест, а на другой – воззвание... Я – Мосин, и Каминский полностью одобрили текст манифеста и воззвания и их выпуск. Заручившись нашей поддержкой, Воскобойник поставил перед нами задачу – размножить манифест и воззвание и распространить их за пределами Брасовского района»⁷⁸.

Очевидно, что на этом этапе Воскобойник никак не согласовывал свою политическую деятельность с представителями оккупационных властей. Об этом говорится в отчете тылового района 2-й танковой армии от 7 февраля 1942 г.: «Самостоятельное образование сильных вооруженных отрядов местных жителей или иных групп с собственной политически неконтролируемой программой – к примеру, Национал-социалистической партии “Викинг” к югу от Навли – новое явление, которое вне сомнений заслуживает внимания... Неизвестно, соответствуют ли цели этой партии целям немецкого политического руководства... Эти лица фанатичны, заряжены энергией и способны добиться заметного влияния»⁷⁹.

Тем не менее, «инженер Земля» отлично понимал, что санкция немецких военных необходима (хотя бы исходя из риска подвергнуться репрессиям со стороны оккупантов). Поэтому сразу же после публикации манифеста он уполномочил Каминского и Мосина уведомить военные власти о своей инициативе, якобы снабдив свои инструкции патетической фразой: «Не забудьте, что мы работаем уже не для одного Брасовского района, а в масштабе новой России. История нас не забудет»⁸⁰.

Мосин свидетельствует: «С целью легализации создаваемой нами партии и распространения манифеста Воскобойник поручил мне выехать в Харьков, а Каминскому – в Орел и Тулу, установить связь со штабом фронта немецкой армии и добиться разрешения деятельности партии... В тот период времени мы не знали места дислокации штаба фронта немецкой армии. Исходя из этого, Воскобойник решил направить нас обоих в разные направления. Наряду с этим Воскобойник поручил мне и Каминскому по пути следования в городах, селах и деревнях проводить собрания и митинги, распространять манифест и создавать ячейки... Лично я через Дмитровск и Дмитриев направился в Курск с тем, чтобы получить там разрешение на поездку

партизанского штурма Локтя 8 января 1942 г.

⁷⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-18757. Т. 6. Л. 41–42. Авторы благодарят исследователя С. Ушкалова (Брянск), предоставившего копию документа.

⁷⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 558. Л. 209. Перевод с немецкого И. Петрова.

⁸⁰ Докладная записка о контрреволюционных политических организациях в оккупированных районах Орловской области (5 июля 1943 г.) // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 71.

в Харьков. Несмотря на все предпринятые мной попытки провести в указанных городах собрания, мне ничего не удалось сделать, поскольку немцы этому воспрепятствовали. Ортскомендатура Курска отказала в выдаче мне пропуска и рекомендовала поехать в Орел, где в то время размещался штаб фронта немецкой армии... Прибыв в Орел, я обратился к представителю отдела пропаганды штаба армии майору Лон с просьбой зарегистрировать нашу партию и разрешить ей заниматься политической деятельностью. Лон мне ответил, что отдел пропаганды штаба армии не уполномочен решать такие вопросы, и предложил обратиться непосредственно в министерство восточных областей, находившееся в Берлине. Таким образом, моя поездка успеха не имела... Поездка Каминского также оказалась безрезультатной»⁸¹.

Показания Мосина могут быть дополнены и уточнены свидетельством офицера связи между вермахтом и министерством иностранных дел, ротмистра графа Антона Босси-Федриготти (1901–1990). Он посетил Локоть в апреле 1942 г., после чего направил командованию 2-й армии подробный отчет «касательно национал-социалистической русской боевой группы Каминского в Локте возле Навли» (от 26 апреля 1942 г.).

Офицер довольно подробно излагает биографии Воскобойника и Каминского (без сомнения – со слов последнего), описывает первые шаги их администрации и называет Воскобойника «действительным основателем» и первым вождем «русской национал-социалистической боевой группы», которая поначалу состояла из шести человек. Их идея заключалась «в уничтожении сталинской и колхозной системы» и «создании национал-социалистического русского государства в тесном сотрудничестве со странами Оси (без этого создание новой России невозможно)». Носителем «новой государственной национальной идеи является национал-социалистическая русская партия»⁸². Далее Босси-Федриготти пишет:

«В декабре представитель Воскобойника и Каминского, по фамилии Мосин, явился к немецким властям в Кромах⁸³. Мосин попросил, чтобы органы тайной полевой полиции и полевой жандармерии проверили их новый небольшой боевой отряд [имеется в виду так называемый “отряд народной милиции” – вооруженная группа, сформированная Воскобойником в Локте в октябре 1941 г.; ее первоначальная численность составила 20 человек, затем выросла до 50 и к январю 1942 г. была увеличена до 200 бойцов⁸⁴]. К рождеству Мосин доставил документы нового отряда [вероятно, списки личного состава, а также манифест и воззвание партии. – Прим. авт.] в Орел, в разведывательный отдел штаба 2-й армии. По поручению Воскобойника и Каминского, Мосин ходатайствовал о разрешении на организацию национал-социалистической русской партии. Разведотдел не стал вдаваться в вопрос об организации партии, отложив представленные документы до прибытия представителя министерства иностранных дел. Уточняя военные перспективы предложения уполномоченного Воскобойника, начальник отдела попросил Мосина ответить на следующие вопросы: (1) Каково отношение Воскобойника к партизанам? (2) Готов ли Воскобойник вести антипартизанскую пропаганду? (3) Готов ли Воскобойник принять активное участие в борьбе против партизан? От имени своих руководителей Мосин заявил, что их группа готова к решительным действиям против партизан. Он также пообещал незамедлительно предоставить материалы для ознакомления с политическими намерениями своих руководителей»⁸⁵.

⁸¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-18757. Т. 6. Л. 43.

⁸² Текст отчета приводится по: *Michaelis R. The Kaminski Brigade*. Atglen, 2011. Р. 82. Этот же документ (без указания автора – А. Босси-Федриготти) и с рядом неточностей при комментировании приведен в сборнике: Под немцами... С. 473–478.

⁸³ Кромы – поселок, районный центр в Орловской области.

⁸⁴ Эти данные приведены в отчете лейтенанта Глатца в штаб 2-й танковой армии (от 26 января 1942 г.). См.: *Michaelis R. The Kaminski Brigade*... Р. 64.

⁸⁵ *Michaelis R. The Kaminski Brigade*... Р. 83. Далее автор документа указывает, что после этого Локоть был изъят из зоны ответственности 2-й армии и передан 2-й танковой армии. Представители последней сотрудничали с локотской группой «скорее теоретически, нежели практически».

В любом случае никакой формальной санкции на партийную деятельность от немцев получить не удалось (впрочем, военные не стали и категорически запрещать «русскую нацистскую партию»). Главный вопрос для оккупантов состоял в том, насколько успешно локотские коллаборационисты будут вести антипартизанскую борьбу.

Провалилась и «презентационная кампания» – немцы просто не разрешали эмиссарам Воскобойника проводить за пределами их Брасовского района (Локотской волости, переименованной в конце декабря 1941 г. в Локотский район) никаких политических мероприятий. Поэтому все утверждения о том, что в 1941 г. «манифест распространялся в пределах Орловской, Курской, Смоленской и Черниговской областей» следует признать не соответствующими реальному положению дел (хотя эта ошибочная информация содержалась и в партизанских донесениях⁸⁶).

Руководители НСПР «Викинг» были вынуждены сосредоточиться на политической работе в пределах контролируемого ими района. Воскобойник лично «ездил по деревням и хуторам, проводил конференции и произносил речи на рынках и ярмарках»⁸⁷. К концу года удалось организовать пять ячеек партии⁸⁸.

Мосин вспоминал: «Наша неудача не остановила Воскобойника, а усилила его стремление организовать партию и доказать немцам, что она будет полезна и для них. В связи с этим Воскобойник предложил мне и Каминскому заняться популяризацией манифеста и вербовкой новых членов НТПР [правильно – НСПР. – Прим. авт.]. В результате проведенной нами работы, к началу 1942 г. количество членов НТПР [НСПР] достигло до 200 человек... главным образом из числа сотрудников самоуправления, волостных управ, полиции и т. д. Делалось это так: всем руководящим работникам указанных учреждений были розданы анкеты, которые были ими заполнены, написаны заявления и таким путем они были оформлены в члены НТПР [НСПР]. Впоследствии уже через них проводилась массовая вербовка. Однако с января 1942 г. объем проводимой нами организационно-массовой работы заметно сократился»⁸⁹.

Последнее было связано с уже упомянутым партизанским штурмом Локтя 8 января 1942 г. Незадолго до этого партизанам удалось внедрить в партию своего разведчика Василия Буровихина, который стал заместителем дежурного коменданта по охране Центрального комитета НСПР (перед штурмом его разоблачили и ликвидировали в Локотской тюрьме). В результате операции бургомистр района и лидер партии Воскобойник был убит⁹⁰. Задача по захвату дома Воскобойника и уничтожению лидеров НСПР была поручена непосредственно штурмовой группе трубчевских партизан под командованием П.И. Кузьмина⁹¹. По одной из наиболее правдоподобных версий, «Инженера Земля» убил молодой, но опытный диверсант А.Н. Дурнев. При этом, по словам ряда авторов, в момент начала штурма шло заседание НСПР⁹², что, скорее всего не соответствует действительности, поскольку налет начался затемно – ранним утром.

Образ погибшего «на боевом посту» вождя партии в последующем довольно активно эксплуатировался в печатной пропаганде каминцев. Не последнюю роль в этом играла его вдова и активистка НСПР, А. Колокольцева-Воскобойник, которая к каждой годовщине гибели своего мужа готовила пространные статьи. Фигура убитого партизанами первого бургомистра Локтя при этом приобретала поистине всероссийские масштабы: «Во главе зарождавшейся власти

⁸⁶ Докладная записка о контрреволюционных политических организациях в оккупированных районах Орловской области (5 июля 1943 г.) // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 71.

⁸⁷ Даллин А. Бригада Каминского... С. 21.

⁸⁸ Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941–1943. М., 2009. С. 71.

⁸⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-18757. Т. 6. Л. 43–44.

⁹⁰ Подробную реконструкцию штурма см.: Жуков Д.А., Ковтун И.И. Бургомистр и палач... С. 162–188.

⁹¹ Сабуров А.Н. За линией фронта (Партизанские записи). Книга первая: Партизанский край. М., 1953. С. 231.

⁹² Тарджиманов М.О., Шахов В.Н., Дунаев Ф.П. Всегда на боевом посту. Тула, 1985. С. 114.

стоял подлинный сын народа, герой нашего времени, Константин Павлович Воскобойник, имя которого вдохновляло и воодушевляло народ на борьбу со сталинско-жидовским рабством»⁹³.

«Гауляйтер локтя»

Смерть Воскобойника увенчала завершение первого этапа существования «русской нацистской партии». Ее деятельность, вопреки ожиданиям партизан, вовсе не прекратилась. Новый обер-бургомистр Локотского района (с марта по июль 1942 г. – уезда, затем – административного округа) Каминский был не менее амбициозным лидером, чем его предшественник. Разумеется, в круг его интересов входили не только военные и экономические, но и политические вопросы. Поэтому, уже в конце зимы 1942 г. он стал принимать меры к оживлению деятельности организации. Еще в марте Каминский подписывал свои приказы, как «Врид Руководителя Народно-социалистической партии»⁹⁴, но в апреле НСПР была переименована в Русскую народную национал-социалистическую партию (РННСП).

А. Босси-Федриготи оставил описание того, как выглядела «штаб-квартира» партии в Локте: «Первое, что бросается в глаза – знамя со свастикой, которое развивается перед зданием штаба группы Каминского. Рядом с этим флагом – знамя с георгиевским крестом. На обратной стороне флага – крест святого Георгия, который занимает такую же площадь, как и свастика на передней стороне. Перед штаб-квартирой... личный состав – частью бывшие красноармейцы, частью добровольцы из деревень. В качестве опознавательных знаков они носят повязки с изображением Георгиевского креста. Над входом в штаб-квартиру висит доска с надписью: “Штаб русской национал-социалистической партии”. Справа изображена свастика, слева – Георгиевский крест. Поверх этой доски установлено большое изображение святого Георгия, убивающего дракона»⁹⁵.

В феврале 1942 г. Каминский и Мосин (отныне он стал заместителем обер-бургомистра по гражданским вопросам, начальником отдела агитации и пропаганды, главным редактором газеты «Голос народа») приступили к переработке программных документов (хотя и в русле манифеста Воскобойника, что неизменно подчеркивалось) – с очевидной целью привести партийную идеологию к «стандартам», более приближенным к германскому национал-социализму. Этому способствовало поступление новых пропагандистских материалов вермахта, посвященных, в том числе, основам нацистской идеи. Часть этих материалов – наряду с цитатами из выступлений лидеров Третьего рейха – постоянно публиковались в «Голосе народа»⁹⁶.

11 марта Каминский через своих немецких армейских кураторов дерзнул направить в Берлин письмо Адольфу Гитлеру, которое командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Рудольф Шмидт (1886–1957) снабдил самыми благожелательными характеристиками (а также просьбой о том, чтобы послание было доложено лично фюреру): «Идеи, содержащиеся в письме, несомненно, соответствуют ожиданиям и надеждам тех слоев населения, которые еще симпатизируют нам». По словам генерала, автономия «препятствует расширению партизанского движения, сковывает партизанские силы и обеспечивает возможность распространения германской пропаганды среди населения. Кроме того, район обеспечивает поставки продовольствия для войск»⁹⁷.

---

⁹³ «Голос народа» (Лепель), 1944. № 1(87), 7 января (пятница). С. 3. Авторы благодарят исследователя И. Петрова (Мюнхен) за предоставленные электронные копии газеты «Голос народа» (Лепель).

⁹⁴ Под немцами... С. 469.

⁹⁵ Stopper S. Op. cit. S. 106–107.

⁹⁶ К примеру, в №№ 26 и 27 (от 26 и 31 октября 1942 г.) была помещена пространная статья Р. Гессе «Что такое национал-социализм».

⁹⁷ Даллин А. Бригада Каминского... С. 28–29.

В своем письме Каминский констатировал, что сопротивление большевиков оказалось более стойким, чем ожидалось, отмечал важность наращивания пропагандистских усилий, и повторял основные положения манифеста Воскобойника: «Прежде всего, крестьянин хочет иметь собственную землю. Поэтому она должна быть распределена сейчас, до весеннего сева... Лучшие земли должны отойти тем, кто сражался с оружием в руках против советской системы... Второй важный вопрос для крестьян – распределение лошадей... Третий – экономический и промышленный вопрос. Трудно организовать русское частное предпринимательство. Необходимо время, чтобы осуществить переход от государственной экономики к экономике, основанной на частной собственности...». Обер-бургомистр также подчеркивал, что «существует заметный спрос на распространение идей, гармонирующих с новым порядком...»⁹⁸.

А. Даллин пишет, что в конце марта 1942 г. Гитлер «насколько известно... утвердил проведение эксперимента, хотя остается неясным, насколько конкретным оказалось это одобрение»⁹⁹.

Программа (вернее, ее часть) обновленной Русской народной национал-социалистической партии была размещена в трех номерах (№№ 3, 4, 8) локотского официоза (от 15 и 25 апреля и от 5 июня 1942 г.). Во введении торжественно провозглашалось: «Война с Германией, с одной стороны, и политика в этой войне сталинского правительства – с другой, привели страну к полному обнищанию, к полному уничтожению всех производительных сил страны. Сталинской политикой в этой войне, а не германскими вооруженными силами, в большинстве своем выбита в годы его тирании лучшая часть интеллигенции, представителей науки и техники, высококвалифицированные кадры рабочего класса, работников села и другого передового класса трудящихся...

В такой тяжелой обстановке приходит к власти Русская народная национал-социалистическая партия. Она берет на себя ответственность за судьбы Великого Русского Народа и Русского Государства. Она верит, что наша Родина воскреснет и станет цветущей... Она помнит помощь дружественного германского народа, освободившего Россию от варварского сталинского ига, и уверена в дальнейшей помощи великого германского народа с ее испытанной в боях дружественной нам по духу и идеям Народной национал-социалистической партией и ее бессмертным руководителем Адольфом Гитлером»¹⁰⁰.

Действительно, локотские коллаборационисты старались во всем походить на «старших товарищей» из НСДАП, в том числе приняли на вооружение антисемитскую теорию и практику германских нацистов. Программные документы партии и периодические издания самоуправления постоянно демонстрировали свою приверженность антиеврейской линии. Газета «Голос народа», например, поставила перед собой задачу возбудить «всеобщую ненависть к жидо-большевизму и его союзникам – англо-американским плутократам», а также приравнивала обычный физический труд к вооруженной борьбе против «жидо-большевистской власти»¹⁰¹.

Едва ли не в каждом номере газеты встречались антисемитские клише «жидо-большевики», «иудо-большевизм», «жидо-комиссары» и т. п. Рядом с «шапкой» газеты иногда появлялись лозунги типа «Никогда больше ни жид, ни коммунист не смогут повергнуть Нашу

---

⁹⁸ Там же. С. 29–30. Текст письма (без даты) приводит Р. Михаэлис, однако он ошибочно называет его автором Воскобойника. См: *Michaelis R. The Kaminski Brigade...* Р. 60–61. Наоборот, воззвание Воскобойника от 25.11.1941 г. Михаэлис почему-то приписывает Каминскому. *Op. cit.* Р. 68–69.

⁹⁹ Даллин А. Бригада Каминского... С. 30.

¹⁰⁰ Программа Русской народной национал-социалистической партии // «Голос Народа», 1942. № 3, 15 апреля. С. 3.

¹⁰¹ Черняков Д.И. Локотская газета «Голос народа» на службе у нацистской пропаганды. 1942–1943 гг. // «Вопросы истории» (Москва), 2010. № 5. С. 65, 67.

Родину в кровавый ужас жидовского гнета и террора»¹⁰². 15 ноября 1942 г. «Голос народа» писал:

«Первая и основная задача и священный долг каждого гражданина – окончательное уничтожение иудо-большевистских банд»¹⁰³. В статье, посвященной очередному дню рождения Каминского, в числе основных добродетелей обер-бургомистра был назван его антисемитизм¹⁰⁴. Точно так же характеризовали Каминского и свидетели, считавшие его «ярко выраженным антисемитом»¹⁰⁵.

В выступлениях обер-бургомистра постоянно звучали антисемитские сентенции. Так, в одном из обращений к партизанам Каминский заявил: «Народ за жидов и коммунистов воевать не хочет... В неосвобожденных от жидовского ига областях России наблюдаются массовые выступления против режима Сталина; голод стоит невероятнейший. Вас же жидовские комиссары убаюкивают близким фронтом и мнимыми победами Красной армии»¹⁰⁶.

Антисемитская риторика коллаборационистов не отступала от их практических мероприятий. Был установлен порядок, согласно которому расстрелу подлежали лица, укрывающие коммунистов и евреев¹⁰⁷. В законодательстве округа присутствовали явные антисемитские положения. В «Трудовом кодексе» существовал специальный параграф под названием «Жидовская рабочая сила». В инструкции, подготовленной отделом юстиции, запрещались браки между евреями и лицами других национальностей (документ позволял в считанные минуты оформить развод с евреем, даже по одностороннему желанию одного из супругов)¹⁰⁸. Регистрация браков между евреями и неевреями была категорически запрещена¹⁰⁹. Евреи округа, даже несмотря на относительно небольшое их количество, сгонялись в гетто, брались в заложники и периодически ликвидировались.

Ревниво следил Каминский и за тем, чтобы в зоне его ответственности не появлялись никакие политические конкуренты. К примеру, летом 1942 г. в Севском районе Локотского округа была создана организация «Блок просвещенцев». Однако этот «блок» быстро прекратил свое существование, о чем говорилось в приказе обер-бургомистра № 91 (от 15 октября 1942 г.): «При личном знакомстве с рядом учреждений Севского района... мною установлены безобразия... Воспретить организацию в районе всяких блоков, вроде “Блока просвещенцев”, как не отражающих сейчас, в военной обстановке, общих интересов населения округа. Наличие таких блоков не объединяет передовых людей округа и не направляет к одной основной цели, т. е. борьбе с остатками бандитизма, особенно в Севском районе...»¹¹⁰.

В «безобразиях», обнаруженных Каминским в Севске, он обвинил бургомистра города П.Д. Бакшанского¹¹¹. Именно этим можно объяснить появление в № 5 «Севского листка» от 23

¹⁰² См.: «Голос народа», 1942. № 37, 20 декабря. С. 1.

¹⁰³ Годовщина новой власти // «Голос народа», 1942. № 30, 15 ноября. С. 1.

¹⁰⁴ Христофоров В.С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа... С. 183.

¹⁰⁵ Из письма Л. Потаповой Николаевскому, 28 декабря 1949 г. // Под немцами... С. 502.

¹⁰⁶ Обращение // «Голос народа», 1942. № 14, 5 августа. С. 3.

¹⁰⁷ Анищенко Е.Н. Партизанская республика. Героические повествования о народных мстителях Навлинского района Брянщины. Тула, 1992. С. 18.

¹⁰⁸ Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу... С. 62.

¹⁰⁹ Инструкция Бутеровской волости о производстве записей актов гражданского состояния по Локотскому округу, 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1143. Л. 113.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 72 об.

¹¹¹ Бакшанский (в некоторых документах – Бокшанский) Павел Демьянович. Родился в 1908 г. Перед войной – преподаватель в Севском техникуме. В известном документальном романе Аркадия Васильева утверждается, что «потомственный почетный дворянин Павел Бакшанский»... до войны был журналистом. См.: Васильев А.Н. В час дня, ваше превосходительство. М., 1974. С. 499. Бургомистр Севска с лета 1942 г. по февраль 1943 г. Затем – прокурор Локотского округа, с марта 1943 г. – член ЦОК НСПР-НСТПР. Начальник Политуправления РОНА, капитан. После расформирования РОНА (29-й дивизии СС) – в разведотделе штаба ВС КОНР, с марта 1945 г. – в разведшколе ВС КОНР в Прессбурге (Братислава), затем – в Мондзее (под Зальцбургом), помощник начальника школы по агитационной работе. После капитуляции Германии – в амери-

сентября 1942 г. статьи «Угрюм-Бурчеев в Севске». Здесь бургомистр был показан пьяницей, бездельником и бабником¹¹². Тем не менее, Бакшанский руководил городом до февраля 1943 г., а затем – очевидно, повинившись перед Каминским и доказав свою полезность – даже пошел на повышение. Он стал локотским окружным прокурором, возглавил Политическое управление РОНА (получив от Каминского чин капитана), параллельно занимая ключевые посты в «русской нацистской партии».

Следует отметить, что после войны многие уцелевшие подчиненные Каминского дезинформировали исследователей в отношении партийной деятельности обер-бургомистра. К примеру, бывший начальник разведки РОНА и адъютант Каминского Фарид Абдуллаевич Капкаев (1920–2008) в интервью А. Доллерту утверждал, что «было запланировано создать» три партии: крестьянскую, рабочую и интеллигенции. «Но дальше планов и меморандумов дело не пошло». Далее Капкаев сообщает откровенно лживые сведения: «О русской национал-социалистической партии речь не шла... Никакой дискриминации евреев в программе»¹¹³.

Несмотря на пропагандистскую работу и вербовку новых членов, к лету 1942 г. партийная деятельность несколько затормозилась. Мосин утверждал: «Мы успели написать лишь три раздела программы: по земельному и рабочему вопросам и в области народного образования. Эти разделы... были опубликованы в газете “Голос народа”. Разработка остальных разделов программы по указанию Каминского была приостановлена, несмотря на мои возражения. В неоднократных беседах с Каминским я ставил вопрос о необходимости активизации работы нашей партии. Однако Каминский этому возражал, ссылаясь на то, что надо выждать более подходящего времени»¹¹⁴.

Здесь следует заметить, что в отчете ротмистра А. Босси-Федриготти (от 26 апреля 1942 г.) содержался анализ политического потенциала локотских коллаборационистов. Автор документа замечал: Каминский «отдает себе отчет в том, что в настоящий момент его задачи носят чисто военный характер. Однако он страстно надеется, что его политические идеи также получат признание». Босси-Федриготти считал, что идеологию Каминского можно противопоставить партизанской пропаганде: «Этого человека можно использовать в качестве пропагандиста Германского нового порядка на Востоке»¹¹⁵.

Однако с рекомендациями Босси-Федриготти, очевидно, были согласны отнюдь не все немцы. Как известно, в этот период Каминский регулярно посещал Орел и Брянск, где дислоцировались органы вермахта, в ведении которых находился Локотский округ. Известно, что часть высших и старших офицеров были настроены скептически по отношению к нацистскому режиму¹¹⁶.

канской зоне оккупации. Состоял в НТС, до 1949 г. проживал в Австрии под именем Авсеенко Борис Иванович. Дальнейшая его судьбы авторам не известна.

¹¹² См.: Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу... С. 81–82.

¹¹³ «Свержение коммунизма возможно только с немцами...». Письмо и интервью Фариды Капкаева. Вступительная статья, перевод, публикация и комментарии О. Бэйды и И. Петрова // История отечественной коллаборации: Материалы и исследования. М., 2017. С. 214.

¹¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-18757. Т. 6. Л. 44.

¹¹⁵ Michaelis R. The Kaminski Brigade... P. 84.

¹¹⁶ В апреле 1943 г. один из непосредственных начальников Каминского – командующий 2-й танковой армией генерал Шмидт – был отозван с Восточного фронта за критику фюрера, в том же году арестован и при драматических обстоятельствах уволен из вермахта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.